

**ОТ АНТИЧНОСТИ
ДО СОВРЕМЕННЫХ БАЛКАН**

Исследования молодых филологов

Сборник научных статей

ВЫПУСК I

Санкт-Петербург

2022

УДК 80(082)
ББК 80я434
О-80

Ответственные редакторы
Е. Д. Высоцкая, М. Л. Кисилиер

От античности до современных Балкан. Исследования
О-80 молодых филологов. Вып. I / Е. Д. Высоцкая, М. Л. Кисилиер
(отв. ред.). СПб.: РХГА, 2022. — 116 с.

ISBN 978-5-907505-95-7

В сборнике представлены научные работы молодых ученых-филологов — студентов СПбГУ, МГУ и РГГУ, посвященные актуальным проблемам классической филологии, библеистики, византистики, балканистики и неоэллинистики. Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами филологии и лингвистики.

DOI 10.25991/4211-0171-6855-s

УДК 80(082)
ББК 80я434

ISBN 978-5-907505-95-7

© Авторы 2022
© РХГА 2022

Подписано в печать 19.07.2022. Формат 60×88 ¹/₁₆
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,25. Тираж 100 экз.
Зак. № 717

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
Тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595
E-mail: books@rhga.ru. URL: <http://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. А. АЛЕКСЮК. «Я грек, но <i>filoshqiptar</i> »: (само)идентификация и язык в греко-албанском сообществе химары, Южная Албания	4
Я. Б. БОРИСОВА. Описание любовного чувства в греческом рыцарском романе XII–XIV вв.: синтез трех жанровых форм	20
А. В. БУЛАННИКОВ. Неопределенный артикль в новогреческом языке по данным мультязычного корпуса	27
М. В. ГВОЗДКОВА. О температуре по-албански: обзор температурных конструкций албанского языка	39
А. А. ДАНЧЕНКОВА. Количественное исследование близости балканских диалектов: подход и результаты	50
М. А. ЛОСКИНА. <i>Cum inversum</i> как миративная стратегия (на материале «Сатирикона» Петрония)	69
Д. В. МЕЛЬНИКОВА. Житие Антония Нового: особенности композиции	80
А. Г. ПИКСЕНДЕЕВА. Языковые особенности произведений Константина Манасси (на материале стихотворной хроники и «Монодии на смерть щегла»)	86
А. Е. СНОПОВА. Структурные и художественные особенности новогреческой сетевой литературы (фанфикшн)	93
М. С. СОЛОВЬЕВА. Конкуренция глагольного вида в новогреческом императиве единственного числа	100
П. К. УХАНОВА. Апокрифические Деяния апостола Петра в греческом тексте Хроники Георгия Амартола (IX в.)	111

**«Я ГРЕК, НО *FILOSHQIPTAR*»:
(САМО)ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЯЗЫК В ГРЕКО-АЛБАНСКОМ
СООБЩЕСТВЕ ХИМАРЫ, ЮЖНАЯ АЛБАНИЯ**

А. А. Алексюк

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
anastasiiaaleksiuk@gmail.com

1. Введение

В первый же день этнолингвистической экспедиции, которую я проводила в августе 2021 года в небольшом туристическом городе Химара на Ионическом побережье Албании, хозяин отеля, в котором я остановилась, и по совместительству мой первый информант, рассуждая по-албански об отношениях между говорящими на албанском и греческом языках в этом смешанном сообществе, использовал два необычных понятия — алб. *filogrek* ‘филогрек, прогреческий настроенный’ и алб. *filoshqiptar* ‘филоалбанец, проалбански настроенный’. Впоследствии, беседуя с местными жителями, которые склонны чётко обозначать собственную этноязыковую принадлежность, и изучая собранные другими исследователями материалы, я выяснила, что стоит за этими понятиями. Предполагается, что обозначенные ими индивиды являются носителями определённых взглядов на целый ряд вопросов — на прошлое и настоящее сообщества, этническую принадлежность местного населения, общепринятые языковые практики и шире — на албанский и греческий языки. Таким образом, *filogrek* и *filoshqiptar* представляют собой своего рода ярлыки этноязыковой идентичности, содержание которых менялось на протяжении более чем столетней истории их существования.

В статье я попытаюсь охарактеризовать значение ярлыков *filogrek* и *filoshqiptar* в контексте этнополитической истории Южной Албании (Северного Эпира) и показать, какое место в содержании этих понятий занимают представления о языке. Во втором разделе статьи приводится общая информация о микрорегионе и расположенном в нём билингвальном сообществе. В последующих разделах рассматриваются особенности употребления ярлыков этноязыковой идентичности и изменения их значения в исторической перспективе — от провозглашения независимости Албании до перехода к демократической системе в 1990-х гг. В пятом разделе, посвящённом практикам использования ярлыков *filogrek* и

filoshqiptar современными жителями г. Химара, отдельное внимание уделяется анализу идеологических представлений об истории местного сообщества.

2. О регионе и городе

Город Химара (алб. Himarë) расположен на Ионическом побережье Албании, к югу от перевала Логара (алб. Llogara). С диалектологической и этнографической точки зрения Химара является центром одноимённой крайины (алб. *krahinë*, историко-географическая область в Албании), а с административной — относится к округу Влёра, область Влёра (алб. Vlorë). Эта территория представляет собой северную часть исторического региона Эпир, который в течение тысячелетий был зоной этноязыкового и культурного взаимодействия балканских народов. На сегодняшний день на территориях Эпира, разделённых албанско-греческой государственной границей, проживают различающиеся по своим социальным, этническим и лингвистическим характеристикам албано- и грекоязычные сообщества.

На протяжении своего существования в рамках албанского государства грекоязычные сообщества Северного Эпира имели различный правовой статус. В 1921 г. Лига Наций признала за греческим населением Албании статус меньшинства, но после Второй мировой войны коммунистический режим Энвера Ходжи ограничил зону расселения греческого меньшинства (алб. *zona minoritare*) 99 селами в округах Гирокастры (алб. Gjirokastrë) и Саранды (алб. Sarandë) — и такие населённые пункты Ионического побережья как Химара, Дерми (алб. Dhërmi) и Палаяса (алб. Palasë) в этот список не вошли [Vickers 2010: 3]. Как показывают мои беседы с информантами в городе Химара, непризнание за этими пунктами статуса территорий проживания греческого меньшинства на официальном уровне¹ и сегодня остаётся одним из наиболее напряжённых вопросов в отношениях между прогрессивно настроенными политактивистами из Химары и албанскими властями.

Количественные оценки греческого населения на территории Албании значительно колеблются. По данным переписи населения 2011 г., в Албании насчитывается 24 243 представителя греческого этноса

---

¹ Основанием для данного утверждения служит тот факт, что в Государственных отчётах о соблюдении в Республике Албании рамочной Конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств [Raporti 2021: 76–77], Химара как регион проживания греческого меньшинства не упоминается.

(алб. *grek*, англ. *Greek*), что составляет 0,87% населения [Census 2011]. Привести точные данные об этническом составе населения в стране Химара не представляется возможным: переписи показывают распределение населения по административно-территориальным округам Албании, а не по крайнам и, к тому же, могут некорректно отражать число представителей этнических меньшинств (в частности, из-за их нежелания указывать этническую принадлежность), другие же источники не вызывают доверия, поскольку, к примеру, могут включать в греческое меньшинство албанцев, которые говорят по-гречески из-за того, что работали в Греции, или называть «греками» всё православное население региона [Vickers 2010: 1].

Характеризуя современную языковую ситуацию в Химаре на основе своих полевых наблюдений и проведённых ранее исследований [Sobolev 2021], я отмечу, что большая часть местного населения свободно и достаточно полно владеет как албанским, так и греческим языками. Сделать выводы о доминации одного из них не представляется возможным, однако в сообществе наблюдается распределение данных языков по различным социальным ситуациям (англ. *social situations*), в терминологии Я.-П. Блома и Дж. Гамперца [Blom, Gumperz 1972]. Греческий язык служит для внутреннего использования: на нём местные жители, по моим наблюдениям и заявлениям моих информантов, общаются с членами семьи, соседями, друзьями из числа местных жителей и другими представителями билингвального сообщества. К тому же, греческий выступает единственным языком богослужения и любого рода общения внутри церкви². К албанскому языку, который имеет статус государственного, обращаются при общении с посторонними: например, с туристами, наёмными работниками и сотрудниками местной администрации, которые приезжают в Химару из других регионов Албании, а также со мной как с исследователем, который предпочитает говорить на албанском языке. Кроме того, албанский язык используется при общении с теми членами

---

² По данным переписи населения 2011 г., доля православного населения в области Влёра, к которой относится и крайна Химара, составляет 13,74% [Census 2011]. Несмотря на то, что эта цифра сравнительно невелика, в городе Химара православие, безусловно, является доминирующей религией: здесь расположены древние византийские и современные церкви, в черте города встречаются уличные часовни, местные жители сохраняют приверженность православным традициям и праздникам.

сообщества, которые не владеют греческим языком, но всё же считаются «своими»: например, с албаноязычными женщинами, которые вышли замуж за химариотов и поселились в городе, или с прожившими много лет в других регионах Албании уроженцами Химары. Выбирая язык коммуникации, представители билингвального сообщества Химары чаще всего действуют в соответствии с теорией коммуникативной аккомодации [Giles et al. 1991], опираясь на устоявшиеся правила речевого поведения и представления о компетенциях собеседников и адаптируясь к их предпочтениям.

С диалектологической точки зрения, албанские говоры, существующие на приморских территориях крайины Химара, относятся к южнотоскской диалектной зоне и сохраняют основные признаки ляберийского диалектного типа [Десницкая 1968: 358]. Недавние исследования [Memushaj, Grillo 2009] показывают, что говор Химары близок к отличающимся большой архаичностью чамерийским говорам албанского языка. Греческий же говор города Химары, по утверждению Е. Бонгаса [Μπόυκας 1966: 77], принадлежит к группе южногреческих диалектов и также имеет архаичный характер. Тем не менее, местные диалекты — как албанский, так и греческий — претерпели значительные изменения в результате интенсивных миграций жителей региона внутри Албании и за её пределы, и вопрос о соотношении черт местных говоров и общелитературных форм албанского и греческого языков в речи химариотов требует отдельного научного внимания.

3. История ярлыков: независимая Албания

По данным французского антрополога и исследователя Балкан Ж. де Раппера, ярлыки *filogrek* и *filoshqiptar* впервые стали использоваться населением Северного Эпира в начале XX в. [de Rapper 2004: 169]. В этот период истории они обозначали скорее политические предпочтения и взгляды на принадлежность того или иного населённого пункта к греческому или новообразованному албанскому государствам. Эта обширная политическая дискуссия была связана с притязаниями Греции на территории Северного Эпира после провозглашения независимости Албании. Во время Первой Балканской войны (1912–1913 гг.) регион был занят греческой армией, но отошел к Албании после демаркации границы в 1913 г. Весной 1914 г. местными греками была провозглашена Автономная Республика Северного Эпира, признанная албанскими властями и просуществовавшая до очередного вторжения греческих войск в 1914 г. В годы Первой мировой войны регион переходил от одного

государства к другому: Греция удерживала его до 1916 г., затем он попал под управление Италии, а по результатам Парижской мирной конференции в 1919 г. — вновь под управление Греции. В 1921 г., после поражения Греции в греко-турецкой войне, Северный Эпир снова оказался под контролем албанского правительства [Çami 2004].

В 1910-х гг. многие семьи покидали Северный Эпир, чтобы не стать гражданами нового албанского государства [de Rapper 2005: 183], и греческие настроения преобладали на этих территориях вплоть до Второй мировой войны. Ж. де Раппер приводит рассказ информантки из населённого греками и албанцами села Сельцка (алб. Selckë, крайна Гирокастра, регион Лунджери) о том, как отец её мужа публично выступил за признание села частью Албании и вскоре был вынужден оставить свой дом и эмигрировать в Америку из-за угроз со стороны влиятельной гречески настроенной семьи [de Rapper 2004: 169]. При этом, как указывает исследователь, распространение этнополитических взглядов на принадлежность территорий Северного Эпира к тому или иному государству не совпадало с языковой границей между албанским и греческим, и язык в меньшей степени использовался местным населением в качестве критерия национальной идентификации [de Rapper 2005: 183].

В дальнейшем содержание ярлыков *filogrek* и *filoshqiptar* выходит за рамки политических взглядов их носителей — важную роль начинает играть дискурс о языке из-за усиливающихся в начале 1930-х гг. ограниченный школьного образования на греческом языке. С 1929 г. начинается волна увольнений грекоговорящих учителей, которые на соответствующем экзамене показывают низкий уровень владения албанским языком или же считаются политически «неблагонадёжными», в то время как остающиеся на своих должностях учителя оказываются вынуждены получать лицензию на преподавание в государственных органах Албании. В 1932 г. в албанской прессе разворачивается кампания против использования греческого языка среди «этнических албанцев», государственных служащих и учителей, в рамках которой утверждается, что греческий язык представляет опасность для «национальных интересов» Албании. Спустя год властями Албании принимается закон о национализации образования, и большая часть негосударственных школ, в которых велось обучение на греческом языке, оказывается закрыта. Имплементация государственных решений в сфере образования вызывает всеобщее недовольство в грекоязычных селах Южной Албании, жители которых отказываются отводить своих детей в албанские школы. Противостояние

между населением Северного Эпира и албанским правительством, усиливающим всестороннее давление на связанных с Грецией лиц и организации, продолжается вплоть до вмешательства Лиги Наций в 1935 г. По ее протекции в официально признанных зонах проживания греческого меньшинства вновь открывается часть греческих школ [Clayer 2010: 344–347].

В связи с вышеописанными историческими событиями значение ярлыков этноязыковой идентичности расширяется, и жители Северного Эпира начинают с их помощью маркировать не только геополитические предпочтения отдельных индивидов, но и сформировавшиеся в социально-историческом контексте мнения о греческом и албанском языках. Так, интересный пример употребления понятия *filoshqiptar* в контексте школьного образования и изучения языка приводится в статье Ж. де Раппера. Житель арумьинско-албанского села Саракиништ (алб. *Saraqinishtë*, крайна Гирокастра, регион Лунджери) рассказывает о том, что в начале тридцатых годов он хотел изучать греческий язык, поскольку его сестра вышла замуж в селе Поличан (алб. *Polican*, область Берат, округ Скрапар), и спросил об этом у своего (очевидно, албаноговорящего) учителя в албанской школе. Поскольку, как объясняет информант, учитель был *filoshqiptar*¹ом, он ответил, что учить греческий язык не стоит [de Rapper 2004: 171]. Идеологическая подоплёка и эмоциональная нагрузка суждения об изучении языка неочевидны, однако прослеживается резко негативное восприятие греческого языка, которое, как можно предположить, сформировалось под влиянием риторики о враждебности Греции по отношению к Албании — и это мнение о языке впервые включается в смысловое поле ярлыка *filoshqiptar*.

4. История ярлыков: социалистическая Албания

Среди населения Южной Албании, которое говорит по-гречески и считает себя греками, новое содержательное наполнение ярлыки *filogrek* и *filoshqiptar* приобретают в послевоенный период, и об этом можно узнать из первых уст у современных жителей города Химара. Мой информант 1933 г. р., который родился и прожил всю жизнь в Химаре, рассказал мне о том, какое большое значение для общества Химары имели выборы в Конституционное собрание, которые проводились в Албании 2 декабря 1945 г. В месяцы, предшествующие выборам, в районах проживания греческого меньшинства действовали пропагандистские группы противоположных интересов. Коммунистические формирования устраивали митинги в поддержку кандидатов от Демократического

фронта — организации Коммунистической партии Албании во главе с первым секретарём ЦК Энвером Ходжей, в то время как прогрессивно настроенные общества призывали бойкотировать участие в выборах, взывая к национальным чувствам греческого населения [Voçi 2012: 287–288]. По результатам выборов 93,7% голосов в стране получил Демократический фронт и установилась однопартийная система. Естественно, мой информант был слишком мал, чтобы принять участие в этих выборах, однако действия местных жителей и последствия их выбора стали частью локального мифа о свободолюбии химариотов. Всё население Химары и ближайших сёл единогласно — мой информант называет цифру в 98%, другие источники [Voçi 2012] говорят о 100% — проголосовало против Демократического фронта.

Рассмотрим следующий отрывок из рассказа моего информанта о выборах и последовавших за ними событиях на албанском языке:

- (1) *I morën njëzet veta. I burgosën njëzet veta. Që ishin **filogrek**. Një e pushkatuan. Vetëm se ishte **filogrek**. Bëri Himarën të mos votonte. Shqipërinë, komunizmin. Nëntëdhjetë e tetë përqind votuan kundër. Di përqind votuan <...> Atëherë ishte ligji. Dënuan me burgun, një qind e një vite. Sa vdiqën në burg, sa i liruan. Kanë vdekur tani të gjithë ata.*

‘Двадцать человек забрали. Двадцать человек посадили в тюрьму. Которые были **филогреки**. Одного расстреляли. Просто потому что он был **филогрек**. Они сделали так, чтобы Химара не голосовала. За Албанию, за коммунизм. Девяносто восемь процентов проголосовало против. Два процента проголосовало <...> Тогда закон был. В тюрьму посадили на сто и один год. Кто-то в тюрьме умер, кого-то освободили. Сейчас они все умерли’ [ПМА: Алексюк 2021]

При этом мой информант отмечает, что подавляющее большинство грекоговорящих жителей Химары в 40-е и 50-е гг. придерживались антикоммунистических и условно «прогрессивных» взглядов, и оценивает он их исключительно позитивно:

- (2) *Ka pas burra të mençur dhe kanë luftuar po sistemin komunist e Stalinit tuaj.*
‘Были умные мужчины, и они боролись с коммунистической системой вавшего Сталина’ [ПМА: Алексюк 2021]

Очевидно, что в данном историческом и политическом контексте изначальный смысл понятия *filogrek*, которым мой информант называет антикоммунистически настроенных жителей Химары и тех, кто голосовал против Демократического фронта на выборах 1945 г., искажается. Этот

ярлык теряет смысловую привязку к греческому государству, этносу или языку и приобретает значение локального сопротивления коммунизации, противопоставляясь ярлыку *filoshqiptar*, который употребляется в отношении тех, кто, напротив, поддерживает официальный коммунистический курс албанского государства. Ощущение своей принадлежности к другому этносу и государству становится для химариотов и жителей других грекоязычных регионов Албании основой для гражданского и политического противодействия. Тем не менее, по использованию ярлыков *filogrek* и *filoshqiptar* нашим информантом мы не можем судить о том, насколько они в действительности использовались в Химаре в 1940-е и 1950-е гг., поскольку на восприятие исторических событий того времени наложился последующий опыт жизни информанта в социалистической и демократической Албании.

Дальнейшая беседа показала, что для моего информанта политический конфликт носителей условно «прогреческих» взглядов и коммунистической власти стал частью семейной истории и личной жизни. В 1954 г. отец информанта был арестован и осуждён на десять лет тюрьмы. Информант не вдавался в разъяснения причин этого решения и кратко пояснил, что его отец был осуждён как *filogrek*:

- (3) И. *Nga familja ime... M'u kanë burgos babanë, deshën... M'u kanë burgos babanë, ka bërë dy vjet burg.*

‘Из моей семьи... У меня отца посадили в тюрьму, хотели... У меня отца посадили в тюрьму, он два года в тюрьме отсидел’.

А. *Dhe për çfarë, çfarë ishte shkaku?*

‘А за что, какая была причина?’

И. *Si filogrek!*

‘Как **филогрека!**’

А. *Si filogrek? Ishte burgosur si filogrek? Thjesht për këtë?*

‘Как **филогрека?** Посадили в тюрьму как **филогрека?** Просто за это?’

И. *Për këtë. Dëshën ta bënin spiun, por nuk pranoi. Dhe dënuan dhjetë vjet. Po meqë e kishte këmbën të prerë, di vjet e mbajtën.*

‘За это. Хотели из него шпиона сделать, но он не согласился. И осудили на десять лет. Но поскольку у него ноги не было, два года продержали³’

[ПМА: Алексюк 2021]

³ Следует сказать, что отец информанта вышел из тюрьмы и вернулся в Химару, но вскоре погиб в результате несчастного случая: разорвалась оставшаяся после

Мы видим, что этот ярлык в речи информанта приобретает подчеркнuto эмоциональное содержание как символ борьбы с давлением коммунистического режима. И хотя нам известно, что различным мерам принуждения со стороны албанских властей подвергались признанные социально неблагонадёжными и опасными для государства лица любой национальности, в представлении моего собеседника политически мотивированные преследования грекоязычных жителей Химары и её окрестностей во многом объясняются именно их греческой идентичностью и номинально прогреческими взглядами. Несмотря на то, что мой собеседник с большой гордостью говорит о прогреческих и антикоммунистических взглядах своего отца, его арест и тюремное заключение кардинально изменили жизнь моего информанта, и, по его же словам, едва ли в лучшую сторону: будучи старшим сыном в семье, тот был вынужден оставить работу в Тиране, вернуться в Химару, чтобы заботиться о матери и восьми братьях и сёстрах, и завести собственную семью.

После установления коммунистического режима в Албании вопросы идентификации части населения Южной Албании с греками и греческим государством исчезают из общественного поля, что объясняется страхом репрессий и полной оторванностью от «греческого мира» из-за закрытых государственных границ. В этот период истории некоторые местные жители нелегально пересекали границу и скрывались в Греции, что сурово каралось коммунистической властью — суды назначали жестокие наказания для членов семей перебежчиков. Поэтому подобные случаи следует считать скорее исключением, чем правилом. Проблемы отношений с находящейся в непосредственной территориальной близости, но недоступной Грецией замещаются вопросами бытового выживания. Информанты, сознательный этап жизни которых пришёлся на период с 1950-х по 1990-е гг., в своих рассказах об этом времени гораздо больше внимания уделяют повседневным трудностям — например, необходимости трудиться в кооперативе, заниматься тяжёлой работой по дому и уходом за скотом, содержать семью — в том числе за счёт браконьерства и охоты.

Тем не менее, население Химары и в этот период продолжает общаться по-гречески между собой, в рамках семейных, дружеских и соседских отношений, — на мой взгляд, именно тогда «домашний»

войны мина, которую тот вскрывал в попытке достать порох для подрывных зарядов, с помощью которых в Химаре незаконно глушили рыбу.

греческий язык сообщества начинает противопоставляться «огосударственному» албанскому как языку школьного образования (в 1945 г. греческая школа в Химаре была закрыта, и все дети из Химары и ближайших сёл были обязаны ходить в албанскую школу), коммунистической партии и администрации. Вспоминая о том, на каких языках говорили в коммунистический период в Химаре, одна из моих собеседниц указывает на повседневное использование греческого языка, противопоставляя его выученному в школе албанскому:

- (4) *Neve shipën e kemi mësuar kur kemi shkuar në shkollën, në klasë të parë, e kemi mësuar shqipen. Se gjithëmonë, domëthënë, flasim greqisht në shtëpi, me njerëzit kështu, kur i takojmë rrugës e kështu, njerëzit që i njohim, flasim greqisht.*

‘Мы албанский выучили, когда пошли в школу. В первом классе мы выучили албанский. Потому что мы всегда, значит, разговариваем по-гречески дома, просто так с людьми, когда их просто на улице встречаем, с людьми, которых знаем, говорим по-гречески’ [ПМА: Алексюк 2021]

5. История ярлыков: демократическая Албания и современность

Ситуация кардинально меняется в начале 1990-х гг. с открытием государственных границ, когда многие жители Албании вне зависимости от уровня владения языком, происхождения и конфессиональной принадлежности отправляются в Грецию и другие страны в поисках заработка и лучших условий жизни. Демографические особенности этого потока эмиграции все мои информанты описывают одинаково: люди массово уехали (*kanë ikur shumë* ‘многие уехали’), деревни опустели (*shkretëtirë* ‘запустение’), в них остались только пожилые люди (*vetëm pleqtë kanë mbetur* ‘только старики остались’). По данным переписи населения Греции 2001 г., количество иммигрантов албанского происхождения в Греции составило 438 000 человек [Алоураφή 2001]. Материалы Греческого института миграционной политики (IMEPO) и Министерства внутренних дел Греции свидетельствуют, что к 2010 г. их число достигло 700 000 человек [Baldwin-Edwards 2004].

В эмигрантском потоке начала 1990-х гг. оказалась и одна из моих информанток, родившаяся и выросшая в грекоязычной семье в Химаре. Она переехала вместе с мужем, детьми и другими членами своей семьи в небольшой город на Пелопоннесе, где прожила до 1995 г., когда из-за болезни мужа была вынуждена вернуться в Химару. Рассказывая о пребывании в Греции, эта женщина поделилась со мной множеством

трогательных историй: она ощутила доброжелательное отношение местных жителей к её семье и ей самой, отметила сплочённость сообщества и стремление к взаимопомощи, получила возможность работать и оказывать финансовую поддержку близким, приобщилась к церкви. Исключительно позитивный опыт жизни в Греции определил современную позицию информантки:

- (5) *Unë jam pro... pro-grekut, sepse vajta, punova. Më ushqyen, më pritën mirë... nuk kam asnjë... Po këto i bën vetë shteti, vetë shteti — mendimi im — i bën vetë shteti për të krijuar ato punërat e tyre. Se këtu në Himarë nuk ka, nuk ka asnjë gjë si se flet shqip, se flet ne... Unë vij këtu në Himarë dhe unë pres shqiptar, unë pres kosovar, pres maqedonas, pres polak — kush të më vij, nuk i them që ik. I them urdhëro.*

‘Я за... **за грека**, потому что я поехала [туда], работала. Они меня кормили, хорошо меня приняли... Я не... А это делает само государство, само государство — я так думаю — это делает само государство ради своих дел. Потому что здесь в Химаре нет такого, совсем нет, что ты говоришь по-албански, а ты говоришь... Я приезжаю сюда, в Химару, и я принимаю албанцев, принимаю косоваров, принимаю македонцев, принимаю поляков — кто бы ко мне ни приехал, я не говорю им «уходи». Я говорю им «пожалуйста» [ПМА: Алексюк 2021]

В данном отрывке мы видим, как информантка использует в отношении себя понятие *pro grekut* ‘прогречески настроенная’, букв. ‘за грека’, и дальнейшая беседа показывает, что под этим обозначением подразумевается высокая оценка современного греческого общества и отдельных его представителей, сформировавшаяся под влиянием позитивного жизненного опыта. Никаких объяснений положения южноалбанского населения на этноисторической карте Эпира, которое, как мы увидим дальше, в ярлыки этноязыковой идентичности сегодня вкладывает подавляющее большинство жителей Химары, или же попыток определить местное население как «греческое» или «албанское» это самообозначение не несёт. При этом в течение нашего разговора информантка последовательно высказывает довольно негативные оценки современного албанского правительства, что характерно для албанских граждан и за пределами Химары. Её критика касается, однако, не политических решений и сложностей высокого уровня, что можно было бы сравнить с политическим противостоянием местных жителей и албанских властей

раннекоммунистического периода, но актуальных для любого гражданина Албании локальных урбанистических стратегий и мер социальной поддержки.

Особенно интересно мнение информантки о более бескомпромиссных приверженцах прогреческих или же проалбанских взглядов: с их очевидно агрессивными действиями она не согласна и, по её словам, источником конфликтов на этноязыковой почве служат провокации со стороны государства, в особенности в период выборов. Действительно, анализ политического процесса в Албании в последние тридцать лет показывает, что почти любые парламентские и местные выборы вызывают в Химаре общественную напряжённость и разного рода инциденты в связи с активным участием этнических прогреческих партий в предвыборной гонке [Vickers 2010: 5]. Стоит отметить, что моя информантка резко критически относится к любым идеологически обоснованным разногласиям, указывает на то, что в Химаре рады гостям вне зависимости от их национальности, языка или религии, и не раз подчёркивает это в ходе беседы. Подобная позиция достаточно широко распространена среди других моих собеседников из Химары, которые осуждают идейные установки некоторых членов сообщества, вызывающие напряжённость любого рода, и поддерживают развитие внутреннего и международного туризма, служащего для них важным источником дохода.

Продолжая разговор о полярных проалбанских и прогреческих позициях, которые занимают некоторые представители местного сообщества, жительница Химары запинаясь, делает продолжительные паузы, долго не может подобрать правильные слова — по моим наблюдениям, она испытывает некоторое смущение и дискомфорт при обсуждении конфликтующих идеологий и стремится дистанцироваться от полемики. Важно отметить, что понятие, которое она употребляет для обозначения собственных взглядов, не совпадает с устоявшимися ярлыками *filogrek* и *filoshqiptar* — их использования в своей речи она, напротив, активно избегает. Это можно объяснить тем, что данные понятия по-прежнему отличаются негативными коннотациями и употребляются для стигматизации представителей одной или, как в данном случае, сразу обеих идеологически противопоставленных групп. В сравнении с ними понятие *pro grekut* не содержит в себе резко эмоционального элемента и становится средством более нейтрального обозначения субъективной позиции говорящего.

В сравнении с этой номинально «прогреческой», но скорее отражающей стремление к идеологической нейтральности позицией иначе выглядит попытка другого члена местного сообщества, с которым я беседовала, обозначить собственные взгляды. Этот информант — пожилой мужчина, который родился и вырос в Химаре, всю жизнь использовал греческий в качестве «домашнего» языка общения с семьёй, соседями и друзьями в Химаре, но получил образование, работал и жил в крупных городах Албании, а также женат на албанке-мусульманке, которая греческим языком не владеет. Вместо того, чтобы маркировать ярлыком этноязыковой идентичности других людей — условных носителей прогреческих или же проалбанских взглядов, информант использует его для самоидентификации. В ходе интервью он называет себя *filoshqiptar*; очевидно, что этот термин при употреблении в отношении себя теряет свою негативную окраску.

Обозначенные понятием *filoshqiptar* взгляды моего информанта состоят в представлении об автохтонности албанцев в той части Ионического побережья, которая сегодня принадлежит Албании. Дискуссия об «автохтонности» и «пришлости», т. е. принадлежности населения той или иной территории по происхождению или его относительно позднем миграционном характере, типичная для современных балканских обществ в целом, не затихает среди жителей юга Албании уже очень давно. Она наследует обсуждавшемуся выше спору начала XX в. о государственной границе и разделении «албанских» и «греческих» территорий. В разнообразных исторических фактах, которыми оперируют местные сторонники идеи об автохтонности албанского населения, проявляется желание придать существованию албанцев в регионе научное обоснование. Это наделяет этническую общность албанцев устойчивым положением на этноисторической карте Эпира и своеобразным историческим и нравственным приоритетом [de Rapet 2005: 188]. Так, мой информант приводит обширную аргументацию в пользу идеи об автохтонном характере албанского населения на территориях Северного Эпира, ссылаясь на ряд исторических фактов, данные френологии и бытовые наблюдения, которые я не считаю нужным здесь обсуждать. Однако представления об используемых в регионе албанском и греческом языках не находят места среди его доводов.

Помещать ярлыки *filogrek* и *filoshqiptar* в пространство псевдонаучных споров об этнической истории региона склонны и другие мои информанты. Например, собеседник, от которого я впервые услышала

данные понятия и с которого начала свое повествование, объяснил мне, что различия во взглядах касаются, в первую очередь, именно вопроса об автохтонном или же пришлом характере и национальной принадлежности современных жителей Южной Албании. Как и информантка, обозначающая себя понятием *pro grekut*, этот говорящий критически относится как к жителям Химары, занимающим резко прогреческую позицию, так и к тем, кто настроен проалбански. Он отмечает, что самоопределение по национальному признаку имеет значение для небольшой группы местного населения — как правило, мужчин пожилого возраста, которые не имеют постоянной работы. Мой информант иронизирует над этими членами сообщества, указывая на то, что они занимают всё своё свободное время размышлениями о национальной принадлежности жителей региона и истории давно прошедших времён. Данную позицию информанта нельзя назвать непредвзятой, поскольку, судя по всему, его высказывания касаются именно прогречески, но не проалбански настроенных жителей Химары. Кроме того, в других ситуациях он позволяет себе такие высказывания как: *mos u merr me grekët!* ‘не водись с греками!’

6. Заключение

Таким образом, ярлыки этноязыковой идентичности *filogrek* и *filoshqiptar*, которые используются среди членов локального сообщества Химары, представляют собой сложный и в хронологическом, и в содержательном плане конструкт. Как я отметила выше, значение этих понятий меняется с течением времени и находится под влиянием текущей историко-политической ситуации. В них отразились наиболее конфликтные периоды истории Южной Албании (Северного Эпира) от проведения государственных границ в начале XX в. до давления со стороны коммунистического государства. На сегодняшний день, после полного прекращения на официальном уровне дискуссии о перераспределении территорий между государствами, эти ярлыки могут использоваться не только для негативной характеристики представителей противоположной по взглядам группы, но и для маркирования собственных представлений о национальной принадлежности местного населения и истории региона. При этом к их использованию прибегает лишь ограниченная часть членов локального сообщества Химары, а самоопределение через тот или иной ярлык не отражается на выборе языка коммуникации — как я отметила, даже жители Химары, последовательно демонстрирующие приверженность проалбанским либо прогреческим взглядам, свободно

общаются как на албанском, так и греческом языках, опираясь на характерные языковые привычки и языковые компетенции собеседников.

В целом, понятия *filogrek* и *filoshqiptar* не стоит рассматривать как бэ-зальтернативную дихотомию. По крайней мере, мои наблюдения не дают никаких оснований считать, что локальное сообщество Химары раскалывается на две враждующие и не имеющие точек соприкосновения социальные общности, которые можно было бы маркировать этими ярлыками. С открытием государственных границ в начале 1990-х гг. Химара пережила резкий всплеск миграции — сезонной и трудовой, временной и долгосрочной, а в последние двадцать лет локальная экономика оказалась переориентирована на внутренний и международный туризм, что стало причиной миграций жителей других регионов Албании в Химару. В результате этих процессов местные жители получили очень разнообразный жизненный опыт и установили множество социальных контактов, что способствовало формированию относительно открытого локального сообщества с низким порогом входа для чужаков, развитой терпимостью к иному мировоззрению, образу жизни и обычаям и достаточно гибким общественным сознанием.

Литература

- Десницкая 1968 — А. В. Десницкая Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968.
- ПМА: Алексюк 2021 — А. А. Алексюк. Полевые материалы автора. Албания. Химара, 20.08.21–27.08.21. Расшифровка А. А. Алексюк.
- Baldwin-Edwards 2004 — M. Baldwin-Edwards. Statistical data on immigrants in Greece. Athens: Mediterranean Migration Observatory and IMEPO, Ministry of the Interior, 2004.
- Blom, Gumperz 1972 — J.-P. Blom, J. J. Gumperz. Social meaning in linguistic structures: code-switching in Norway // J. J. Gumperz, D. Hymes (eds.). Directions in Sociolinguistics. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 407–434.
- Boçi 2012 — S. Boçi. Minoritetet në Shqipëri midis identitetit dhe integritetit (1939–1949). Tiranë: Kristalina, 2012.
- Census 2011 — Të dhënat e përgjithshme të Census 2011. Instat. Insituti i Statistikave. URL: <http://www.instat.gov.al/> (дата обращения: 27.04.2022).
- Clayer 2010 — N. Clayer. L'albanisation de la zone frontière albanogrecque et ses aléas dans l'entre-deux-guerres // Südost-Forschungen. 2010. Vol. 68. P. 328–348.

- Çami 2004 — M. Çami. Himara në vitet 1912–1924 (Vështrim historik) // L. Nasi, K. Prifti, A. Onuzi, F. Duka (red.). Himara në shekuj. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2004. F. 191–210.
- de Rapper 2004 – G. de Rapper. 'We are not Greek, but...': Dealing with the Greek-Albanian border among Albanian-speaking Christians of Southern Albania // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. 2004. Vol. 4 (1). P. 162–174.
- de Rapper 2005 — G. de Rapper. Better than Muslims, not as good as Greeks. Emigration as experienced and imagined by the Albanian Christians of Lunxhëri // R. King, N. Mai, S. Schwandner-Sievers. The New Albanian Migration. Sussex Academic Press, 2005. P. 173–194.
- Giles et al. 1991 — H. Giles, J. Coupland, N. Coupland. Accommodation theory: communication, context, and consequence // H. Giles, J. Coupland, N. Coupland (eds.). Contexts of Accommodation: Developments in applied sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 1–68.
- Memushaj, Grillo 2009 — R. Memushaj, N. Grillo. Vendi i së folmes së Himarës në dialektin jugor të shqipes // Studime Filologjike. 2009. No. 1–2. F. 29–62.
- Raporti 2021 — Raporti i pestë periodik paraqitur nga Republika e Shqipërisë, mbështetur në Nenin 25, paragrafi 2 të Konventës Kuadër të Këshillit të Evropës «Për Mbrojtjen e Minoriteteve». URL: <https://rm.coe.int/5th-sr-albania-al/1680a2614d> (дата обращения 05.05.2022).
- Sobolev 2021 — A. Sobolev. Symbiosis Suspectus: Palasa in Himara, Albania // A. Sobolev (ed.). Between separation and symbiosis: South Eastern European languages and cultures in contact. Berlin: de Gruyter, 2021. P. 135–155.
- Vickers 2010 — M. Vickers. The Greek minority in Albania — current tensions. Shrivensham: Defence Academy of the United Kingdom, 2010. (Balkans Series 10/02).
- Απογραφή 2001 — Ορισμοί απογραφής πληθυσμού και κατοικιών (2001) // Ελληνική στατιστική αρχή. URL: <https://geodata.gov.gr/> (дата обращения: 02.05.2022).
- Μπόγκας 1966 — Ε. Μπόγκας. Τα γλωσσικά ιδιώματα της Ηπείρου (Βορείου, Κεντρικής και Νοτίου). Γλωσσάρια Β. Ηπείρου. Τόμος Β'. Ιωάννινα: Εταιρεία Ηπειρωτικών Μελετών, 1966.

ОПИСАНИЕ ЛЮБОВНОГО ЧУВСТВА В ГРЕЧЕСКОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ XIII–XIV ВВ.: СИНТЕЗ ТРЕХ ЖАНРОВЫХ ФОРМ

Я. Б. Борисова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
st069620@student.spbu.ru

1. Основные положения

Греческий рыцарский роман XIII–XIV вв. — явление византийской литературы, возникшее, с одной стороны, под влиянием разнообразного литературного окружения, с другой стороны, представляющее собой продолжение эллинистическо-византийского любовного романа. В этой связи, центральная тема греческого рыцарского романа — любовь, что отображено в сюжете и в идейной составляющей произведений, связанной с текущими умонастроениями той эпохи.

Предмет исследования — изображение любовного чувства в греческом рыцарском романе XIII–XIV вв., цель — изучение эстетико-идеологических истоков его формирования с учетом испытанного влияния. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть историю развития жанра.
2. Определить вектор изображения любовного чувства в предшествующих жанрах:
  - а. Византийском любовном романе XII в., восходящем к античным образцам;
  - б. Героическом эпосе X в. «Дигенис Акрит»;
  - в. Французском куртуазном романе XII–XIII вв.

2. Византийский любовный роман XII в.

Жанр византийского любовного романа XII в. основывается на традиции греческого любовного романа I–IV вв. и, несмотря на различные изменения, сохраняет многое от предшественника в области формы, сюжетики и эстетики.

Основные характеристики:

- главные герои — неискушенные в любви и выделяющиеся красотой юноша и девушка, пренебрегающие всем ради своего чувства;
- события романа приобретают авантюрно-приключенческий характер;

- в завершении повествования герои, пережив многие испытания, воссоединяются, не нарушив клятв верности друг другу, и заключают свой союз браком;
- предмет изображения — чувства персонажей.

Исследователи высказывали разные мнения касательно того, что обусловило интерес к греческому любовному роману I–IV вв. и, как следствие, его перерождению в виде византийского романа.

С. В. Полякова в исследовании «Из истории византийского романа» предписывает успех этого жанра аллегории.

Для понимания средневекового человека весь окружающий мир, а потому и литературные произведения как составляющая его единство сторона скрывают за внешней формой более глубокую, внутреннюю, за первым смыслом — более важный второй, который может быть обнаружен при помощи аллегорического толкования, так как от любого, самого незначительного явления тянутся нити символического контакта, связывающие его с миром подлинных непреходящих ценностей» [Полякова 1979: 43].

По её мнению, текст романа через разнообразные образы, символы и средства утверждает торжественную нравоучительную идею: любовь — возвышенное чувство, перед которым склоняется всё земное и плотское. Такая концепция привносит совершенно иной смысл в сложившийся несколько веков ранее античный роман, так как развивает жанр в области идейного содержания, предлагая читателю не только занимательный рассказ, но и изображая широкий спектр внутренних переживаний героев, и, главным образом, предоставляя возможность по-иному взглянуть на явления действительности, разгадать их, — познать:

триумф любви вопреки всем преградам, которые ставят ей грубая сила и ограниченность неспособного возвыситься до её понимания практического разума [Полякова 1979: 98].

А. Д. Алексидзе в статье «Византийский роман XII в. и любовная повесть Никиты Евгениана» утверждает, что причина популярности жанра кроется в пересечении с настроениями данной эпохи. Жители Византии того времени «в значительной степени общество светское, отмеченное земными, светскими интересами и настроениями» [Алексидзе 1969: 122], что подтверждает и другая литература того периода, например, историография, повествующая о разнообразных и искусных интригах как в политической, так и в частной жизни. В этой связи, можно говорить об общем духе авантюризма, проникнувшем во все сферы жизни византийцев

ХII в. По этой причине обращение к античному любовному роману, для которого характерны идеи «беззаветной любви, дружбы, свободолюбия, с его миром торжества земного счастья и красоты» [Алексидзе 1969: 122], и попытка его возрождения представляется закономерной. Важно отметить, что в отличие от любовного повествования I–IV вв., роман ХII в. «ощутимо освобождается от книжности и риторики и обогащается живым — народным, реалистическим, демократическим — элементом» [Алексидзе 1976: 5].

Такое влияние можно отнести к народной поэзии. Развитие же тенденции лирического характера, по мнению исследователя, намечилось в начале ХII в. Так, задача византийского романа ХII в. может состоять в представлении любовных взаимоотношений и переживаний во всей их действительной глубине. При последующем бытовании жанра этот вектор, был ещё в большей степени разработан.

3. Героический эпос X века «Дигенис Акрит»

Другим текстом, который также оказал сильное влияние на формирование греческого рыцарского романа, является византийский героический эпос X в. «Дигенис Акрит». Следует отметить, что произведение при его письменной фиксации испытало воздействие романов ХII в., что заметно по мотивам, тону повествования и функциям действующих лиц. Главный герой воплощает собой образ влюблённого и одновременно мужественного воина. Основная идея поэмы — культ силы и отваги, вообще характерный для жанра эпической поэмы. В многочисленных схватках центральный персонаж обнаруживает чудесное мужество и силу и неизменно одерживает победу, причем к противникам герой всегда относится с «уважением и рыцарской предупредительностью» [Сыркин 1960: 152]. Возможно, приращение Дигенису Акриту вышеуказанных черт также является следованием традиции позднеантичного романа. Одна из значимых тем поэмы, как было отмечено ранее, — любовное чувство. Поэма изобилует рассуждениями о неодолимой силе любовной страсти и власти красоты, разжигающей любовь. А. Я. Сыркин утверждает:

Темы эти, несомненно, отражают увлечение светскими мотивами в византийской литературе того времени, вдохновлёнными, возможно, влиянием позднеантичного романа [Сыркин 1960: 153].

Так, повествование сочетает героико-эпическую ноту с разработанным психологизмом — герою не чужды людские слабости. В этом

сочетании особая привлекательность произведения, которое испытало воздействие предыдущей литературной традиции, и оказало его на последующее развитие византийской литературы, в том числе и в виде греческого рыцарского романа.

4. Влияние Западного мира

К влиянию литературной традиции Западного мира следует отнести французский куртуазный роман XII–XIII вв., повествующий о странствиях и приключениях персонажа, стремящегося к идеальному образу куртуазного рыцаря, отличительные качества которого «героическая доблесть, христианская любовь, рыцарская честь, куртуазное вежество, верность даме, защита слабых и обиженных» [Андреев и др. 1987: 47].

Основой этого образа являются «любовь» и «подвиги», слитые воедино — то есть любовь к даме воодушевляет на подвиги. В этой связи, можно говорить, что тема произведений данного типа воплощается в утверждении героического пафоса и прославлении силы любви. Вышеизложенная концепция куртуазного романа воплощает идейно-нравственные основы рыцарства и, таким образом, произведения данного типа могли служить одним из источников впечатления, которое могло вылиться в феномен греческого рыцарского романа. Другим аспектом, оказавшим, возможно, более глубокое воздействие на литературный процесс Византии того времени, является непосредственный культурный контакт с рыцарством. Это яркое социокультурное явление произвело впечатление на элиту Византии, некоторая часть которой стремилась подражать новому для себя движению и усвоить его, что подтверждают исторические свидетельства. Можно предположить, что интерес был настолько сильным, что постепенно элементы нового мировоззрения нашли свое выражение и в литературе.

5. Греческий рыцарский роман

Рассмотрев некоторые из жанров, которые, наиболее вероятно, подготовили эстетическую и идеологическую основу для греческого любовного рыцарского романа XIII–XIV вв., следует выделить особенности, характерные для данного типа текстов.

Однако прежде необходимо назвать произведения, составляющие канон:

- «Каллимах и Хрисорроя»;
- «Велтандр и Хрисанца»;
- «Ливистр и Родамна».

Важно отметить, что тексты, хотя и представляют собой определенный литературный феномен, в силу своей самобытности могут быть рассмотрены и отдельно для более точной оценки их художественных достоинств. Определенно, произведения разнятся по композиции, структуре, а также отличаются некоторыми второстепенными мотивами и приёмами художественной выразительности. Тем не менее, несмотря на различия, все эти произведения имеют общие черты в области сюжетики, тематики, идейного содержания и эстетики. Рассмотрим каждый из этих аспектов.

Сюжет греческого рыцарского романа во многом следует традиции греческого любовного романа I–IV вв. при посредничестве романа XII в. Так, главные герои — юноша и девушка благородного — царского — происхождения, при действительном или мнимом участии Эрота, влюбляются друг друга. В ходе развития повествования, персонажи, преодолев множество препятствий, подвергающих испытанию их чувства, в итоге, счастливо воссоединяются.

Подобным образом сложилась и основная тема текстов — любовь. Она продолжает следовать античности, как «всеобъемлющее, космическое чувство, которому подчиняется вся одушевлённая и неодушевленная природа» [Алексидзе 1976: 135].

Однако, в греческих рыцарских романах этот мотив обретает новое звучание: любовь таит в себе «горькую сладость» — своеобразный оксюморон, который пронизывает повествование, утверждая противоречивую природу этого таинственного чувства. Справедливости ради стоит отметить, что этот мотив уже был обозначен на страницах византийского романа XII в., но первостепенной роли не играл, а в греческом рыцарском романе превратился в лейтмотив.

В этой связи, идея текстов данного типа может заключаться в попытке авторов осмыслить и представить любовь во всём её многообразии. Так, в произведениях помимо мотивов, отмеченных выше, можно заметить и многие другие, например, «любовь-безумие», «испепеляющее пламя», чувство, воодушевляющее и одновременно опустошающее, «любовь во имя жизни» и так далее.

Эстетический аспект представлен разнообразно. С одной стороны, очевидно влияние произведений I–IV вв. и романов XII в., что проявляется в обращении к традиционным эстетико-нравственным понятиям греческой литературы, как, например, калокагатия, детально разработанном психологизме, использовании экфрасиса, применении риторических

элементов. Всё вышеназванное можно отнести к последовательному развитию греческого рыцарского романа со времен античности. С другой стороны, также значима роль эпоса и фольклора в формировании эстетики жанра. Особенно явно это проявляется в языке текстов:

Язык рыцарских романов — это уже не тот искусственный классический греческий язык <...> это и не истинно разговорный, живой язык [Алексидзе 1976: 45].

Таким образом, язык произведений был значительно обогащен элементами народной речи, во многом освобожден от архаичных элементов и риторики. Это обогащает, «оживляет», как и сам язык текстов, так и манеру выражения любовного чувства в романе. Важно отметить распространение пятнадцатисложника или политического стиха. Как и многие произведения на народном языке, большинство рыцарских романов написаны в этом размере. Также следует подчеркнуть участие фольклорных — сказочных — мотивов, положений, персонажей, предметов в произведениях. Например, часто романисты применяют мотив бегства в «иное» царство, подчеркивая тем самым таинственную природу любовного чувства. Третьим значительным источником влияния предстает феномен рыцарства, произведший впечатление при непосредственном культурном контакте и при помощи литературы в виде французского куртуазного романа, который затрагивал идейно-нравственные основы этого нового для Византии движения.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что любовный роман, претерпевая эволюцию, со временем трансформировался в любовное повествование о благородном рыцаре и принцессе, которые соприкоснувшись с областью сверхъестественного, вынуждены, с одной стороны, преодолевать испытания, с другой, получают возможность продемонстрировать свои лучшие качества, подтверждая тем самым глубину чувств, душевное благородство и царское достоинство.

6. Заключение

В итоге, можно утверждать, что психологическая линия в выражении любовного чувства является наследием эллинистическо-византийской традиции любовного романа, героическая составляющая происходит из греческого эпоса, прославляющего удаль воина, однако манера выражения чувств к избраннице и общие понятия и представления о благородном поведении рыцаря-влюбленного восходят к образу западного рыцаря. Таким образом, изображение любовного чувства в греческих

рыцарских романах XIII–XIV вв., неразрывно связано с представлением о любви, восходящем к античности. Эволюционируя, оно дополняется оттенками вследствие увлечения западной культурой и непосредственного интереса к народному духу со стороны жителей Византии той эпохи.

Литература

- Алексидзе 1969 — А. Д. Алексидзе. Византийский роман XII в. и любовная повесть Никиты Евгениана — Никита Евгениан Повесть о Дросилле и Харикле. М.: Наука, 1969.
- Алексидзе 1976 — А. Д. Алексидзе. Мир греческого рыцарского романа XIII–XIV вв. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1976.
- Андреев и др. 1987 — Л. Г. Андреев, Н. П. Козлова, Г. К. Косиков. История французской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987.
- Полякова 1979 — С. В. Полякова. Из истории византийского романа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.
- Сыркин 1960 — А. Я. Сыркин. Дигенис Акрит. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ ПО ДАННЫМ МУЛЬТИЯЗЫЧНОГО КОРПУСА

А. В. Буланников

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

alewabulannikov@mail.ru

Неопределенный артикль (далее НА) в новогреческом языке относительно молодое явление, поскольку его не было ни в древнегреческом, ни в греческом византийского периода. В свете этого эта граммема представляет особый интерес для исследователей новогреческого языка, однако нам не удалось найти работ по описанию НА новогреческого языка.

В настоящем исследовании описание функций НА проводится на основе сравнения французского текста повести Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» с итальянским и греческим переводами в мультиязычном корпусе Национального корпуса русского языка. Французский текст как текст оригинала для греческого перевода является своего рода задачей: если функционал НА одного языка больше функционала НА второго языка, то из этого следует, что при переводе на второй язык некоторые функции НА будут отданы другим граммемам. Итальянский текст представляет для греческого и французского текстов альтернативу с иным функционалом НА, что позволяет фиксировать случаи вхождения НА в текст, когда его нет ни во французском, ни в греческом тексте.

Целью данной работы является описание некоторых функций НА в новогреческом, но никак не полное описание функционала НА, а также описание конкуренции НА с другими граммемами, т. е. описание потенциальных функций НА.

1. Функции НА

В ходе исследования мы ориентировались на структуру статьи Е. Ю. Ивановой и В. А. Лазаревой [2018], посвященной сравнительному корпусному исследованию НА в болгарском и итальянском. Однако целью их исследования является описание сходств и различий функционалов НА двух языка на основе параллельного корпуса, в то время как для нас корпус более представляется инструментом фиксации потенциальных для НА функций. Для нас важным в структуре их исследования является выделение сравнительных групп по разным референциальным статусам. В настоящей работе сравнительные группы меньше групп, чем

в [Иванова, Лазарева 2018], что, как нам кажется, позволяет освятить некоторые периферийные функции.

К описанным в данной работе функциям НА, выражающим неопределенно-референтный референциальный статус ИГ относятся:

- интродукция — введение нового объекта в повествование;
- *jour* — употребление НА при ИГ *jour* ‘день’ для выражения значения ‘однажды’;
- квантификатор — актуализация неисчисляемых абстрактных существительных как дискретных и единичных (тишина → момент тишины);
- *seul* — НА интенсифицирует значение ИГ *seul* ‘единственный’+существительное.

Функции НА с нереперентной семантикой:

- предикатив — ИГ является частью сказуемого;
  - *homme* — НА используется при ИГ *homme* ‘человек’+прилагательное. Эта функция является частным случаем предикатива (см. гл. 3.9);
- определитель — выделение внутри класса подкласса объектов [Иванова, Лазарева 2018].

2. Неопределенная референция

Неопределенная референция — это обозначение словом конкретного единственного, т. е. обладающего уникальными свойствами, объекта, но который нам еще не известен. Выделение уникального объекта из класса схожих объектов называется актуализацией [Плунгян 2011: 222–225]. Функции, включенные в этот раздел, выражаются НА, за исключением функции квантификатора.

2.1 Интродукция

Интродукция — это введение нового персонажа или объекта, о котором речь будет идти дальше, в текст [ЛЭС 1990: 683]. Интродукция является базовой функцией НА, то есть, когда определяют НА, эту функцию НА обозначают в первую очередь [Розенталь, Теленкова 1976: 543; Krámský 1972: 20–21].

Табл. 1⁴. Интродукция

Французский	Новогреческий	Итальянский
12/13 НА 1/14 определенный артикль (= ОА)	11/13 НА 1/13 ОА 1/13 местоимение	13/13 НА

Случай с местоимением требует отдельного комментария.

Неопределенное местоимение часто заменяет НА в греческом тексте, особенно в употреблении, в которых необходимо подчеркнуть неопределенность объекта, что указывает на то, что НА недостаточен для выражения эмфазы, как и в этом случае интродукции.

- (1) *Il y avait, sur une étoile, **une planète**, la mienne, la Terre, un petit prince à consoler!*
*Su di una stella, **un pianeta**, il mio, la Terra, c'era un piccolo principe da consolare!*
 Σε κάποιο αστέρι, σε **κάποιον πλανήτη**, στο δικό μου πλανήτη, τη Γη, υπήρχε ένας μικρός πρίγκιπας που έπρεπε να παρηγορήσω!
 ‘На звезде, на планете, моей, на Земле, был маленький принц, которого надо было утешить!’ [Маленький принц⁵]

2.2 Jour

НА в ИГ с существительным *jour* в тексте-оригинале в значении ‘однажды’ имеет неопределенно-референтную семантику.

- (2) *Et **un jour** il me conseilla de m'appliquer à réussir un beau dessin, pour bien faire entrer ça dans la tête des enfants de chez moi.*
*E **un giorno** mi consigliò di fare un bel disegno per far entrare bene questa idea nella testa dei bambini del mio paese.*
 Και **κάποια μέρα** με συμβούλεψε να στρωθώ και να πετύχω μια ωραία ζωγραφιά, για να το βάλουν καλά στο μυαλό τους τα παιδιά του τόπου μου.

⁴ Таблица устроена так: в числители дроби число вхождений данного артикля в текст, в знаменателе дроби общее число вхождений артикля или альтернативных показателей референтности в семантическом контексте, о котором идет речь в данном разделе. Общее число вхождений может отличаться из-за расхождений переводов на уровне синтаксиса и лексики.

⁵ Здесь и далее русские примеры взяты из НКРЯ.

‘Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли’. [Маленький принц]

В греческом тексте вместо НА часто используются местоимения *καμία, καποία* ‘один, какой-то’, которые употребляются при существительных, связанных со временем именно в значении ‘один’, например *καμία φόρα* ‘один раз’, *κάποιο πρωί* ‘одним утром’. Семантика такого употребления актуализатора близка с числительным *один*, см. например *один раз*, в котором важна единичность события.

В нижеприведенную таблицу вошли также вхождения с ИГ *один раз* и *одним утром*, поскольку они обладают схожей семантикой с ИГ *одним днем*.

Табл. 2. *Jour*

Французский	Новогреческий	Итальянский
22/22 НА	7/15 НА 7/15 местоимение 1/ НА + <i>μόνο</i>	19/20 НА 1/20 НА + <i>sola</i>

Как видно из табл. 2, ИГ *одним днем, одним утром, один раз* в греческом одинаково маркируются как и неопределенными местоимениями, так и НА. Из этого следует, что в греческом не только НА выражает значение времени неопределенно-референтного события, а у него есть конструирующие граммы. Интересно, что и для выражения локации неопределенно-референтного события также могут использоваться неопределенные местоимения (см. пример 1). Возможно, грамматизируясь в НА, *один* должно отделиться от числительного, поэтому смежные с числительным семантические зоны занимают неопределенные местоимения как нечто, что менее в плане выражения похоже на числительное.

2.3 Квантификатор

В эту группу входят употребления НА при неисчисляемых абстрактных существительных, таких как *молчание, тишина* (другое название этой группы — группа *silence* ‘тишина’). НА в подобных вхождениях выступает как количественный актуализатор множественно-континуального смысла ИГ. НА создает себе референт, изменяя значение ИГ (превращая континуальное в дискретное).

(3) *Mais après un silence il me lança, avec une sorte de rancune,...*

Ma dopo un silenzio mi gettò in viso con una specie di rancore,...

Για λίγο δε μίλησε, ύστερα όμως μου πέταξε με κάποια μνησικακία,...

‘Но после молчание он мне сказал почти сердито’ [Маленький принц]

Квантификатор — настолько периферийная, можно сказать «творческая», функция НА, что в греческом НА не может передать это значение, а переводчик часто ищет альтернативные способы передачи смысла, то есть не через существительное.

Табл. 3. Квантификатор

Французский	Новогреческий	Итальянский
5/7 НА	2/7 λίγο + глагол 1/7 λίγο + прилагательное 2/7 λίγο + существительное	5/7 НА

В греческом переводе для выражение подобного значения используется наречие λίγο ‘мало, немного’.

2.4 Seul

В данную группу попадают случаи с НА перед ИГ с прилагательным *seul* ‘один, единственный’ во французском тексте, в которых НА выступает не в качестве интенсификатора (ср. с русским *один единственный*), а в качестве актуализатора и интенсификатора ИГ. Основание полагать, что *un* в данной ИГ является НА, заключается в том, что в переводах с русского на французский *un seul* переводится как *один*. Несмотря на то, что соответствия *один единственный* — *un seul* тоже присутствуют, *один* регулярно переводится как *un seul*. Более того, ИГ *seul*+существительное без НА неграмматично, из чего можно сделать вывод, что НА, имея изначально только грамматический смысл, что выражается в парадигматических отношениях НА с ОА и ØА, теперь также приобретает интенсифицирующую функцию. Этот «сдвиг», т. е. приобретение новой функции, можно назвать идиоматическим, поскольку интенсификатор не имеет прямой связи с семантикой НА. Способен ли греческий НА на создание идиоматичности в сочетании с прилагательным *единственный*?

Как показывают вхождения в корпус, сочетание *un seul* переводится один раз как *ένα και μόνο* ‘единственный’, один раз как *ένα τόσο да* ‘маленький’ и три раза как *ένα μονάχα* ‘единственный’. Можно предположить, что в греческом выделяется устоявшееся выражение *ένα μονάχα*

‘один единственный’, в котором *ένας/μία/ένα* выступает в качестве НА с интенсифицирующей функцией, как во французском и итальянском.

3. Нереперентные ИГ

В этот раздел включены разные контексты с ИГ, «которые не соотносятся ни с каким конкретным объектом реального мира» [Падучева 2017], т. е. имеют нереперентный статус. Референция отсылает либо к классу объектов, подобный статус мы будем называть нереперентно-родовым [Плунгян 2011: 225] или экзemplирующим⁶ (в данном исследовании этот статус представлен группой определитель), либо к свойству объекта (см. гл. 2.1; группы предикатив и *homme*). Большинство из этих групп является зоной конкуренции НА с другими граммемами, но мы предполагаем, что со временем, НА вытеснит иные граммемы из этих областей функционирования.

3.1 Предикатив

В данную группу включены вхождения, в которых ИГ является частью сказуемого, выраженного глаголом быть, например:

(4) *C'était pour moi **une question** de vie ou de mort.*

*Era **una questione** di vita o di morte.*

Για μένα ήταν **ζήτημα** ζωής ή θανάτου.

‘Это был для меня вопрос жизни и смерти’ [Маленький принц]

ИГ в предикативных конструкциях обязательно нереперентные, ведь ИГ выступает «чистым обозначением свойства» [Плунгян 2011: 224–225] (*Это был для меня вопрос жизни и смерти* = *Это имело свойства вопроса жизни и смерти*).

Случаи с НА в новогреческом языке крайне редки, как мы видим из таблицы, и обусловлены дополнительной семантической нагрузкой (в одном случае эмфазой, в другом автонимией: *третья планета была планета...*).

---

⁶ Экзemplирующее значение референции («любой представитель класса А») совпадает со значением референции к классу объектов («класс А»), например *Тигр* — *хищник* имеет два совпадающих значения: ‘любой представитель класса тигров — хищник’, ‘класс тигров — класс хищников’.

Табл. 4. Предикатив

Французский	Новогреческий	Итальянский
16/23 НА 4/23 ØА 3/23 прилагательное	17/20 нулевой артикль (= ØА) 2/20 НА 1/20 прилагательное	23/23 НА

Возникает вопрос о эмфатическом употреблении НА в предикативных конструкциях, как, например, в итальянском и болгарском [Иванова, Лазарева 2018], ведь в тексте находятся вхождения как и с НА, так и с ØА в этом употреблении.

- (5) *Mais toujours elle me répondait, "C'est un chapeau."*
Ma, chiunque fosse, uomo o donna, mi rispondeva, "È un cappello".
 Πάντοτε όμως η απάντησή ήταν, "Είναι ένα καπέλο".
 'Но она мне всегда отвечала: "Это шляпа"' [Маленький принц]
- (6) *Il ne tolérerait pas la désobéissance. C'était un monarque absolu. Mais, comme il était très bon, il donnait des ordres raisonnables.*
Non tollerava la disubbidienza. Era un monarca assoluto. Ma siccome era molto buono, dava degli ordini ragionevoli.
 Δεν άντεχε την ανυπακοή. Ήταν ένας απόλυτος μονάρχης. Ελειδή όμως ήταν πολύ καλός, έδινε λογικές διαταγές.
 'Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания' [Маленький принц]

Почему (5) эмфатичен, понятно из содержания текста, в котором протагонист спрашивает у разных людей, что нарисовано, и по силуэту рисунка понятно, что нарисована шляпа, то есть вопрос протагониста кажется бессмысленным, поэтому те, кто отвечают, в некотором недоумении, отсюда следует, что и ответ должен быть выделен.

Также есть примеры и эмфазы, выраженной ØА:

- (7) *Qu'est-ce que c'est que cette chose-là? — Ce n'est pas une chose.*
C'est mon avion.
Che cos'è questa cosa? — Non è una cosa — vola. È un aeroplano. È il mio aeroplano.

Τι είναι αυτό το πράγμα; Δεν είναι **πράγμα**. Πετάει. Είναι **αεροπλάνο**. Το αεροπλάνο μου.

‘Что это за штука? — Это не штука. Это самолет. Мой самолет’ [Маленький принц]

(8) — *Je ne suis pas **une herbe**, avait doucement répondu la fleur.*

*Io non sono **un'erba**”, aveva dolcemente risposto il fiore.*

‘Δεν είμαι **χόρτο**” απάντησε γλυκά το λουλούδι.

‘— Я не трава, — тихо заметил цветок’ [Маленький принц]

Мы склоняемся к тому, что для выражения эмфазы в греческом предпочтительнее $\emptyset A$, поскольку примеров подобных (7) и (8) в тексте больше, чем примеров с НА, а также эмфатическое значение контекстуально более очевидно.

3.2 *Homme*

Эта группа близка к группе предикатива. Сюда попали случаи, когда НА употребляется при ИГ с существительным *homme* ‘человек’ в тексте-оригинале; контекст в таких случаях выглядит так: *Я человек ... (серьезный, точный)*. В подобных ИГ существительное *человек* имеет функцию приписания говорящего к роду обладающих определенным свойством (*серьезных* или *точных*), но оно может быть вообще опущено без особой потери смысла так же, как и в предикативных конструкциях ИГ может быть опущено, если есть альтернативный глагол, выражающий значение и глагольной, и именной части предиката. Иными словами, ИГ с *homme* и ИГ как часть предиката имеют одну функцию — выражение свойства, только в предикативных конструкциях существительное выражает само свойство, а существительное в ИГ с *homme* выражает актуализацию свойства.

Специфика подобного контекста, в котором эллипсис *homme* не ведет к заметному изменению смысла высказывания, приписывает ИГ нереферентный статус, что хорошо видно в греческом тексте, в котором показателем нереферентности является нулевой артикль, как было установлено в предыдущих частях исследования.

Интересно, что в итальянском и частично в греческом переводах случаи, когда в тексте-оригинале употребляется прилагательное в контексте вроде: *Je suis sérieux*, — переводятся как существительное *человек* и прилагательное: *sono un uomo serio*, είμαι σοβαρός άνθρωπος.

Табл. 5. *Homme*

Французский	Новогреческий	Итальянский
3/6 НА 3/6 прилагательное	1/6 прилагательное 5/6 Ø	7/7 НА

Подобную стратегию можно объяснить попыткой переводчиков передать авторскую дикцию, ведь в тексте до этого словосочетание *человек* и прилагательное использовалось для усиления гротескности речи персонажа, более, чем в оригинале, и тогда мы имеем своего рода гиперкоррекцию.

3.3 Определитель

К этой группе отнесены случаи, когда согласно В. А. Лазаревой, Е. Ю. Ивановой НА указывает на принадлежность ИГ с недискретной (см. примеры 10, 11) и неоторможимой семантикой (см. пример 12) к множеству рода, обладающему некоторыми особыми характеристиками, отличными от характеристик рода. НА подводит ИГ «под понятийный (под)класс, т. е. под частный вид объекта» [Иванова, Лазарева 2018: 20–21].

- (9) *C'est ainsi que j'ai abandonné, à l'âge de six ans, **une magnifique carrière de peintre.***

*Fu così che a sei anni io rinunciai a quella che avrebbe potuto essere **la mia gloriosa carriera di pittore.***

Έτσι, σε ηλικία έξι χρονών, εγκατέλειψα **μια λαμπρή καριέρα** στη ζωγραφική.
 ‘Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника’ [Маленький принц]

Здесь *блестящая карьера художника* является подклассом *карьеры художника*, т. е. происходит некоторая конкретизация нереперентного родового ИГ *карьер* с сохранением при этом, как нам кажется, нереперентного статуса, поскольку ИГ *блестящая карьера художника* не отсылает к конкретной *блестящей карьере художника*, какая именно *блестящая карьера* могла бы быть у говорящего не важно самому говорящему, важно только, чтобы она была *блестящей*, т. е. принадлежала к вышеупомянутому классу. В итальянском переводе используется притяжательное местоимение, и соответственно ИГ обладает определенно-референтным статусом, поскольку в нем иначе интерпретируется содержание высказывания. ИГ *блестящая карьера художника* приписывается говорящему,

как то, что он начал (начал следовать пути художника), иными словами, как то, чем он уже обладает.

Е. Ю. Иванова и В. А. Лазарева отмечают эту функцию в итальянском и болгарском, приводя такие примеры:

- (10) *Aveva un naso
‘У него был нос’
- (11) **Dopo quell’anno, nella regione regnò una pace*
‘После того года в регионе воцарился мир’
- (12) *Aveva un naso butterato*
‘У него был рябой нос’
- (13) *Dopo quell’anno, nella regione regnò una pace stabile / una pace senza precedenti*
‘После того года в регионе воцарился стабильный мир / беспрецедентный мир’.

НА в греческом языке обладает определительной функцией также, как во болгарском и итальянском. Определительная функция, видимо, является базовой для НА, несмотря на видимую нетривиальность выделения референта. Тот факт, что определитель является частью функционала новогреческого НА, представляется нам важным.

4. Заключение

Самым важным результатом исследования нам представляется описание конкуренции НА с другими референциальными показателями в некоторых языковых ситуациях, а также описание отсутствия НА как показателя референциального статуса в иных контекстах, представленное ниже в виде таблицы.

Выделив периферийные функции НА такие, как квантификатор, интенсификатор, предикатив, определитель, которые в греческом являются частью области функционирования НА или ØА или альтернативных показателей, мы обозначили границы области функционирования НА. Центральные функции НА, такие как в контекстах катафоры, *jour* позволили оценить тот функционал НА, который уже имеется в греческом. Они являлись опорным пунктом, своего рода точкой окружности, опираясь на которую, мы смогли обрисовать функционал НА.

Многие сделанные выводы и наблюдения основываются на недостаточно полном корпусе, потому могут быть оспорены, но, во всяком случае, часть функционала НА в новогреческом языке была описана, с

помощью чего наметились траектории дальнейшего обсуждения и исследования новогреческого НА.

Табл. 6. Результаты

Контекст	Новогреческий	Французский	Итальянский
Интродукция	НА	НА	НА
<i>Jour</i>	неопределенное местоимение НА	НА	НА
Квантификатор	λίγο ‘немного’	НА	НА
<i>Seul</i> (интенсификатор)	НА	НА	НА
Предикатив	∅А	НА	НА
Homme	∅А НА	НА	НА
Определитель	НА	НА	НА

Список условных сокращений

ИГ — именная группа; НА — неопределенный артикль; ОА — определенный артикль; ∅А — нулевой артикль.

Литература

- Иванова, Лазарева 2018 — Е. Ю. Иванова, В. А. Лазарева. Неопределенный артикль в болгарском и итальянском языках: функционально-семантические параллели // Съпоставително езиковедение. 2018. № 3. С. 9–35.
- ЛЭС 1990 — В. Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).
- Падучева 2017 — Е. В. Падучева. Референциальный статус именной группы (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2017.

- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. С. 224–225.
- Розенталь, Теленкова 1976 — Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976.
- Krámský 1972 — J. Krámský. The article and the concept of definiteness in language // *Janua linguarum: Series minor*. 1972. Vol. 125. P. 20–21.

О ТЕМПЕРАТУРЕ ПО-АЛБАНСКИ: ОБЗОР ТЕМПЕРАТУРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

М. В. Гвоздкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
mariagvozdкова68@gmail.com

1. Введение

Температура и явления, связанные с ней, имеют огромное значение в жизни человека и природы. Языки мира выработали для их описания различные, иногда специализированные лексические и грамматические средства в языках мира. В отношении албанского языка до настоящего момента не существует подробного описания температурных конструкций. Наше исследование представляет собой одну из первых попыток отразить лексическое и грамматическое устройство имеющихся способов выражения температуры в современном албанском языке в соответствии с классификацией температурных конструкций, предложенной в [Koptjevskaja-Tamm 2015].

Перед тем, как перейти к рассмотрению албанских лексем для выражения температуры, обратимся к семантической классификации температурных фреймов [Plank 2003]:

- а) тактильная температура (tactile temperature) — *the stones are hot* ‘камни горячие’;
- б) температура окружающей среды (ambient temperature) — *it is hot here* ‘здесь жарко’;
- в) температура личного ощущения (personal-feeling temperature) — *I am hot* ‘мне жарко’.

При этом, М. Копчевская-Тамм, комментируя приведенные типы, отмечает, что тактильная температура и температура окружающей среды противопоставляются температуре личного ощущения как температуре на субъективном уровне. Такое разделение связано с тем, что человек или животное (экспериментатор) ощущает определенную температуру, степень тепла/холода которой может быть отлична от объективной температуры окружающей среды. Кроме того, только в последнем типе температурных конструкций подразумевается наличие семантического субъекта (экспериментатора), что ведет к появлению разных способов

синтаксического оформления температуры личного ощущения в языках мира в целом и в албанском языке в частности⁷.

Вначале рассмотрим, какие лексические единицы используются в албанском языке для обозначения различной температуры.

Базовые лексемы (см. табл. 1), служащие для обозначения температуры во всех трех фреймах, объединяются в однотипные деривационные ряды: **наречие** — **артиклевое прилагательное** — **артиклевое существительное**.

Табл. 1. Базовые лексемы для выражения температуры

наречие	артиклевое прилагательное	артиклевое существительное
<i>nxehtë</i> 'горячо, жарко'	<i>i/e nxehtë</i> 'горячий, жаркий'	<i>të nxehtë</i> 'жара, зной'
<i>ngrohtë</i> 'тепло'	<i>i/e ngrohtë</i> 'теплый'	<i>të ngrohtë</i> 'тепло'
<i>ftohtë</i> 'холодно'	<i>i/e ftohtë</i> 'холодный'	<i>të ftohtë</i> 'холод'

Употребление прилагательного, наречия или существительного определяются конструкциями, свойственными каждому фрейму (см. ниже). Кроме того, существуют лексемы, свойственные не всем фреймам. Так, наряду с базовыми прилагательными, для выражения тактильной температуры используются лексемы *i/e vakët* 'теплый, прохладный', *i/e freskët* 'свежий, прохладный', *i/e akullt* 'ледяной' и *i/e acarët* 'морозный'. Существительное *varë* 'жара' входит в состав конструкций для передачи температуры окружающей среды и температуры личного ощущения. Наречие *freskët* 'свежо, прохладно' употребляется только при описании температуры окружающей среды.

Далее перейдем к описанию температурных фреймов и используемых для их передачи конструкций в албанском языке.

⁷ "The temperature frame (covering thus both tactile and ambient temperature) is opposed to Subjective temperature (i. e. personal-feeling temperature in our terms) An Experiencer senses different degrees of warmth that may or may not be related to the ambient temperature. The level of warmth is usually compared against the Experiencer's subjective standard of comfort" [Koptjevskaja-Tamm 2015: 13].

2. Тактильная температура

Для выражения тактильной температуры предмета в албанском языке используются базовые атрибутивные (1–2) и предикативные (3) конструкции с соответствующими «температурными» прилагательными.

- (1) *Turist-ët ka-në mundësi*
 турист-NOM.PL.DEF иметь-PRS.3PL возможность.ACC.SG.INDF
të vizito-jnë edhe burim-in
 CONJ посетить-PRS.3PL и источник-ACC.SG.M.DEF
në natyrë me uj-in
 в природа.ACC.SG.INDF с вода-ACC.SG.M.DEF
e nxehtë...
 ART горячий
 ‘У туристов также есть возможность посетить открытый источник с горячей водой...’ [Agjencia Telegrafike Shqiptare, 04.04.2017]⁸
- (2) *Çaj-i i ftohtë jo*
 чай-NOM.SG.M.DEF ART холодный не
vetëm që fresko-n, por është
 только COMP освежать-PRS.3SG но быть.PRS.3SG
i mirë edhe për shëndet-in...
 ART хороший и для здоровье-ACC.SG.M.DEF
 ‘Холодный чай не только освежает, но и является полезным для здоровья...’ [Zëri, 07.06.2013]
- (3) *Dol-i se uj-i*
 выходить-AOR.3SG COMP вода-NOM.M.DEF
ish-te i ngrohtë në vaskë.
 быть.IMPF.3SG ART теплый в ванна.ACC.SG.INDF
 ‘Оказалось, что вода в ванне теплая’ («Mjeshtri dhe Margarita», Mikhail Bulgakov, përkthyer nga Aleksandër Koli, 2010–2015)

В албанском языке достаточно распространены посессивные предложения, в которых температурные свойства обладаемого выражены с помощью депиктивной конструкции («иметь что-то горячим/холодным/тёплым и т. д.»). Объект, температура которого характеризуется,

⁸ Все примеры (если это не оговорено особо) взяты из Албанского национального корпуса (АНК).

выражен аккузативом, а температура передается соответствующим прилагательным (4).

(4)	Lëkurë-n	<i>e</i>	ka	të		
	кожа-ACC.DEF	ACC.DEF	иметь.PRS.3SG	ART		
	ftohtë,	<i>pa</i>	<i>jetë,</i>	—		
	холодный	без	жизнь.ACC.SG.INDF			
	<i>tha</i>	<i>mjek-u</i>	<i>dhe</i>	<i>me</i>	<i>dy.</i>	
	сказать.AOR.3SG	врач-NOM.M.SG.DEF	и	с	два	
	<i>gishtërinjtë</i>	<i>e</i>	<i>nduk-u</i>			
	палец.ACC.PL.DEF	ACC.3SG	приложить-AOR.3SG			
	<i>për</i>	<i>faqe-sh</i>				
	к	щека-ABL.PL.INDF				

‘— Кожа у него холодная, безжизненная, — сказал доктор и приложил два пальца к его щеке’ [“Kupa e helmit”, Dhimitër Xhuvani, 1990–1999]

3. Температура окружающей среды

Данные температурные конструкции в албанском языке состоят из двух семантически неразделимых частей: глагола и лексемы, передающей значение тепла/холода. Глаголом в данном случае может выступать либо *bëj* ‘делать’, либо *jam* ‘быть’, которые принимают форму 3 лица единственного числа (см. примеры 5, 6).

(5)	Këtu	<i>midis</i>	<i>njerëz-ve</i>	ish-te	ngrohtë.
	здесь	среди	человек-ABL.PL.DEF	быть-IPFV.3SG	тепло
	‘Здесь, среди людей было тепло’ [“Kronikë në gur”, 1980, Ismail Kadare]				

(6)	Bë-nte	freskët	<i>dhe</i>	<i>qiell-i</i>	
	делать-IPFV.3SG	свежо	и	небо-NOM.SG.M.DEF	
	<i>ish-te</i>	<i>i</i>	<i>tejdukshëm.</i>		
	быть-IPFV.3SG	ART	прозрачный		
	‘Было прохладно, и небо было прозрачным’ (“Trëndafili në gotë – fragment”, Dritëro Agolli, 1970–1979)				

В албанской академической грамматике подобные «составные» глаголы (типа *bën ngrohtë* ‘тепло’, дословно ‘делает тепло’) описываются как безличные и входят в один список с безличными метеорологическими глаголами типа *vetëtin* ‘сверкать (о молнии)’, *bubullin* ‘гремять (о громах)’ и др. [Gramatika 2002: 390]. Согласно типологической классификации метеорологических предложений [Eriksen et al. 2010], этот способ относится к предикативному безличному типу кодирования погодных

явлений и температуры для обозначения степени тепла/холода окружающей среды⁹.

В грамматике албанского языка [Bucsholz, Fiedler 1987: 474] предлагается следующая трактовка температурных конструкций – сочетания типа *ishte ftohtë* ‘было холодно’, *bën nxehtë* ‘жарко’ представляют собой тесное предикативное объединение (*engerer Prädikatsverband*), включающее глагол-связку и соответствующую лексему (наречие или существительное). Авторы отмечают, что, кроме предикативных объединений, включающих существительное в именительном падеже (*varë* ‘жара’, *acar* ‘мороз’ и др.) или наречие (*ftohtë* ‘холодно’, *ngrohtë* ‘тепло’) для передачи температурного значения, в состав конструкций могут входить артиклевые существительные, соответствующие наречию¹⁰ — *bën të ftohtë i madh* (делать.PRS.3SG ART холод.NOM ART большой) ‘очень холодно’ (дословно: «делает большой холод»). При этом, примеры позволяют высказать предположение о том, что выбор между артиклевым существительным и наречием определяется необходимостью дополнительной характеристики температуры — во всех употреблении конструкции с артиклевым существительным последнее сопровождается определением (7–9).

(7)	<i>Bislim Zyrap</i>	<i>më</i>		<i>ka</i>	
	Бислим Зюрапи	ACC.1SG		иметь.PRS.3SG	
	<i>treguar</i>	<i>se</i>	<i>si</i>	<i>një</i>	<i>herë <...></i>
	рассказывать.PTCP	COMP	как	один	раз
	<i>një</i>	<i>luftëtar</i>		<i>i</i>	

⁹ Температура окружающей среды следует относительно простым когнитивным сценариям выражения в языках мира. Такие конструкции грамматически менее сложно устроены, чем те, которые используются для обозначения температуры личного ощущения. Главным образом это происходит потому, что у конструкций для кодирования температуры окружающей среды отсутствует явный аргумент-экспериментер (*overt experienter argument*), что влечет за собой меньшее количество структурных вариантов для выражения [Pustet 2015: 905].

¹⁰ Ввиду совсем небольшого количества примеров конструкций с артиклевым существительным в АНК (4 примера предложений с конструкцией *bën të ftohtë*), посчитать соотношение между конструкциями с наречиями и существительными не представляется возможным. Однако, судя по количеству имеющихся в АНК примеров, можно отметить, что в целом температурные конструкции с наречием наиболее частотны.

ART.INDF	воин.NOM.INDF	ACC.3PL	
<i>kish-te</i>	<i>kërkuar</i>	<i>që të</i>	
иметь-IPFV.3SG	попросить.ptcp	comp	conj
<i>kthe-heshin,</i>	<i>meqë</i>	<i>bë-nte</i>	
вернуться-IPFV.3PL	поскольку	делать-IMPF.3SG	
<i>të</i>	<i>ftohtë</i>	<i>i</i>	<i>tmerrshëm.</i>
ART	холод.NOM	ART	ужасный

‘Бислим Зюрапи рассказывал мне, как однажды <...> некий воин попросил их вернуться, так как было жутко холодно’ [KoHa.mk, 17.11.2011]

(8)

<i>Ish-te</i>	<i>një</i>	<i>i</i>	<i>nxehtë</i>	<i>i</i>
быть-IPFV.3SG	ART.INDF	ART	жара.NOM	ART
<i>padurueshëm</i>	<i>dhe</i>	<i>ish-in</i>	<i>150</i>	<i>prej</i>
невыносимый	и	быть-IPFV.3PL	150	из
<i>nesh në</i>	<i>një</i>	<i>shtëpi</i>	<i>pa</i>	
ABL.1PL	в	ART.INDF	дом.ACC.SG.INDF	без
<i>dritare,</i>	<i>pa</i>	<i>ajër.</i>		
окно.ACC.PL.INDF	без	воздух.ACC.SG.INDF		

‘Стояла невыносимая жара, и нас было 150 человек в доме без окон, без воздуха’ [Panorama 17.09.2017]

(9)

<i>Ish-te</i>	<i>një</i>	<i>i</i>	<i>ftohtë</i>
быть-IPFV.3SG	ART.INDF	ART	холод.NOM
<i>janar-i</i>		<i>Korç-e</i>	<i>që</i>
январь-ABL.SG.INDF		Корча-ABL	COMP
<i>të</i>	<i>përcëllo-nte</i>	<i>fytyrë-n.</i>	
ACC.2SG	щипать-IPFV.3SG	лицо-ACC.SG.DEF	

‘В Корче стоял январский холод, который щипал лицо’ [Dhomëza e ngrohtë Kostaq Duka 2000–2009]

В случае, когда в смысловой части выступает существительное в именительном падеже, трактовать конструкцию как безличную безосновательно. Здесь мы наблюдаем, скорее, аргументный тип температурной конструкции с глаголом-связкой.

Количественные данные об употреблении конструкций для выражения температуры окружающей среды приведены в табл. 2.

Табл. 2. Конструкции для выражения температуры окружающей среды

Температура окружающей среды	Кол-во примеров в АНК
<i>është/bën ngrohtë</i> ‘тепло’	9/3
<i>është/bën ftohtë</i> ‘холодно’	31/34
<i>është/bën nxehtë</i> ‘жарко’	6/2
<i>është/bën freskët</i> ‘прохладно, свежо’	7/5
<i>është/bën vapë</i> ‘жарко’	8/13
<i>është/bën ngricë/ngrica</i> ‘стоит мороз, холод, стужа’	2 (<i>është ngricë</i>)
<i>është/bën acar</i> ‘стоит мороз, сильный холод’	4/1

4. Температура личного ощущения

В большом количестве языков кодирование температуры личного ощущения структурно отличается от кодирования выражения тактильной температуры и температуры окружающей среды [Pustet 2015: 894]. При этом, особенность способа обозначения температуры личного ощущения заключается не в использовании специальной лексики, а скорее в особых синтаксических конструкциях, как правило, не свойственных каноническим структурам клауз в рассматриваемых языках [Там же]¹¹. Исходя из того, каким образом оформляется экспериенцер в температурных конструкциях, Р. Пустет выделяет 3 базовых стратегии кодирования конструкций для выражения температуры личного ощущения:

1. Стратегия с нереферентным субъектом (the Non-referential Subject Strategy)
2. Стратегия с непереходным глаголом (the Intransitive Subject Strategy):
  - 2.1. с непереходным глаголом и субъектом-экспериенцером (the Experiencer As Intransitive Subject Strategy)
  - 2.2. с непереходным глаголом и температурным существительным (Temperature Noun As Intransitive Subject Strategy)

¹¹ “However, in a large number of languages in which personal-feeling temperature is systematically distinguished from basic temperature in structural terms, the expression of personal-feeling temperature does not involve specialized lexical items, but rather, syntactic coding formats which tend to exhibit features which do not occur in the canonical clause structures of the languages in question”. [Pustet 2015: 894]

nxehtë   *saqe*   *u dogja/u përvëlova*.
жара.ACC.SG.INDF   COMP   обжечься.AOR.1SG
‘Этот чай был очень горячий, мне стало жарко, так что я обжёгся’
(A. Batishen, устное сообщение)

В свою очередь конструкция *kam vapë* используется для передачи значения ‘мне жарко’ (примеры 12–13):

(12) *Albi*   *kish-te*   *vapë*   *dhe*
Альби   иметь-IMPF.3SG   жара.ACC.SG.INDF   и
ndie-nte   *etje*.
чувствовать-IPFV.3SG   жажда.ACC.SG.INDF
‘Альби было жарко и хотелось пить’ (“Alb Prometeu”,
Adem Demaçi, 2008)

(13) *Ata*   *që*   *kish-in*   *vapë*
3PL(M)   COMP   иметь-IMPF.3PL   жара.ACC.SG.INDF
fresko-heshin   *në*   *liqen*.
освежаться-IPFV.3PL в   озеро.ACC.SG.INDF
‘Те, кому было жарко, освежались в озере’ (“Të jetosh në ishull”, Ben
Blushi, 2008)

Отдельно можно выделить конструкцию с глаголом *jam* ‘быть’ и прилагательным *i nxehtë* ‘горячий’, которая означает «у меня высокая температура/жар» во время болезни (14).

(14) *Jam*   *i*   *nxehtë,*   *e*
быть.PRS.1SG   ART   горячий   ACC.3SG
mat-a   *temperaturë-n*   *dhe*
измерить-AOR.1SG   температура-ACC.SG.DEF   и
e   *kam*   *të*   *lartë*.
ACC.3SG   иметь.PRS.1SG   ART   высокий
‘У меня жар, я измерил температуру, и она высокая’. (A. Batishen, устное сообщение)

Количественные данные об употреблении конструкций для выражения температуры личного ощущения приведены в табл. 3.

**Табл. 3. Конструкции для выражения температуры
личного ощущения**

Температура личного ощущения	Кол-во примеров в АНК
<i>kam (të) ftohtë</i> ‘мне холодно’	26
<i>kam (të) ngrohtë</i> ‘мне тепло’	2
<i>kam (të) nxehtë</i> ‘мне горячо/жарко’	5
<i>kam varë</i> ‘мне жарко’	7

5. Итоги

Нам удалось выяснить, что конструкции, кодирующие температуру в албанском языке, обладают различной синтаксической структурой в зависимости от того, какой семантический тип температуры они выражают. К тому же, в албанском языке кодирование температуры не всегда исчерпывается лишь одним доминирующим типом. Например, при описании тактильной температуры и температуры окружающей среды существует несколько способов выражения.

Для передачи тактильной температуры используется три вида конструкций: атрибутивная, предикативная и депиктивная.

Для передачи температуры окружающей среды используются два вида конструкций: с глаголом *jam* ‘быть’ и с глаголом *bëj* ‘делать’. Кроме того, синтаксически они могут быть как безличными (в составе с наречием или существительным), так и аргументными (в сочетании с артиклевым существительным).

Температура личного ощущения передается одним способом: при помощи глагола *kam* ‘иметь’ и соответствующих лексем (наречия или существительного) для характеристики температурного значения.

Разную температуру в албанском языке могут обозначать наречия, прилагательные, а также абстрактные существительные. Лексические единицы отражают градацию температурных признаков предметов, веществ, тел. Основные лексемы для выражения температуры следующие: *i/e nxehtë* ‘горячий, жаркий’, *i/e ngrohtë* ‘теплый’, *i/e ftohtë* ‘холодный’, *varë* ‘жара’.

В будущих исследованиях можно было бы рассмотреть метафорическое употребление прилагательных для обозначения температуры, а также переносное употребление конструкций с температурными лексемами.

Литература

- АНК — Албанский национальный корпус. URL: albanian.web-corpora.net (дата обращения 15.04.2022).
- Buchholz, Fiedler 1987 — O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987.
- Eriksen et al. 2010 — P. Eriksen, S. Kittila, L. Kolehmainen. The linguistics of weather: Cross-linguistic patterns of meteorological expressions // Studies in Language. 2010. Vol. 34. No. 3. P. 565–601.
- Gramatika 2002 — M. Domi (red.). Gramatika e gjuhës shqipe. Vëll. II. Sintaksa. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2002.
- Коптjevskaja-Tamm 2015 — M. Коптjevskaja-Tamm. The linguistics of temperature. John Benjamins Publishing Company, 2015.
- Mançe 2007 — M. Mançe. Fjalor shqip-rusisht. Tiranë: EDFA, 2007.
- Plank 2003 — F. Plank. 2003. Temperature talk: The basics. Paper presented at the Workshop on Lexical Typology at the ALT conference in Cagliari, September.

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БЛИЗОСТИ БАЛКАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ: ПОДХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ

А. А. Данченкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
unknwnfds@gmail.com

1. Введение

Наше исследование посвящено изучению сходств и различий в грамматике балканских диалектов. В своей работе мы ставим целью разработать оптимальный подход к количественному анализу близости диалектов основных балканских языков и пытаемся интерпретировать результаты применения этого подхода с точки зрения того, чем обусловлены наблюдаемые схождения и различия — контактами или генетической близостью диалектов. Особый интерес для нас представляет место, которое занимают албанские диалекты среди балканских.

Источником материала исследования служит том Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ) «Категории имени существительного» [Соболев 2005]. Том посвящен грамматическим категориям рода, числа, падежа и определенности, которые в балканских языках обычно маркированы в существительном. В нем содержатся данные о 11 диалектах: болгарских (юго-западноболгарский пиринский говор с. Гега, болгарский родопский говор с. Гела, северо-восточноболгарский мизийский говор Равна), сербских (тимокский говор с. Каменица, зетсколовченский говор с. Завала), македонском (западномакедонский говор с. Пештани), албанских (среднегегский говор с. Мухурр, севернотоскский говор с. Лешня), греческих (северногреческий говор с. Эратира, южногреческий говор с. Кастелли) и арумынском (южноарумынский говор с. Кранья/Турья).

Основные методологические и технические решения, которые принимались при обработке этого материала, будут изложены в разделе «Методология исследования». Здесь мы опишем принципы выбора карт («Отбор карт») и составления списка признаков («Составление списка признаков. Типы признаков»), а также методы количественного анализа, использованные для определения степени близости диалектов («Количественный анализ»). В разделе «Результаты исследования» будут представлены результаты, полученные методом иерархической кластеризации, и их анализ с учетом конкретных признаков, значения которых

совпадают или различаются в изучаемых диалектах. В заключении мы постараемся обобщить основные наблюдения и особенности выбранного нами подхода.

2. Методология исследования

2.1. Отбор карт

Для анализа были взяты 113 из 127 карт из упомянутого тома МДАБЯ. Карты, которые мы не рассматривали, можно объединить в следующие группы:

1. Карты, отображающие только оценочно-количественные суждения типа «тенденция х превалирует», «преобладает, преимущественно, предпочтительно, обычно, (очень) редко явление х» (карты №№ 10, 33, 41, 96). Поскольку эти формулировки не всегда находят отражение при картографировании [Соболев 2005: 9] и нет возможности проверить их надежность путем количественных исследований, мы учитывали только отсутствие явления или его наличие в любом «количестве» (нет/есть). При таком подходе карты типа № 10 «Наличие тенденции к оформлению деминутивов в среднем роде» не отражают никаких различий, как и карты, описанные ниже в п. 3.

2. Некоторые карты, дублирующие информацию, представленную на других картах (карты №№ 7, 93, 94, 110). К примеру, карта № 7 «Существительные среднего рода, обозначающие детей, подростков и т. п.» (о наличии или отсутствии существительных определенного типа) отчасти повторяет карту № 8 «Согласование анафорического местоимения при сущ. типа болг. момче» (о модели согласования существительных такого типа, если они есть в говоре).

3. Карты, отображающие общепалканские черты (карты №№ 12, 23, 50, 67) не учитывались, поскольку, во-первых, в данном томе МДАБЯ картографируются не все, а лишь отдельные общепалканские или предположительно общепалканские явления [Соболев 2005: 8–9], т. е. картографируемые признаки изначально отобраны не случайным образом. Во-вторых, такие карты не демонстрируют междиалектных различий. Если учесть, что в качестве меры сходства или различия в исследовании используется вычисляемое расстояние между диалектами, то признаки, не демонстрирующие различия в значениях, оказываются для этого вычисления нерелевантными.

4. Карты с большим количеством лакун (карты №№ 37, 106).

2.2. Составление списка признаков. Типы признаков

В результате анализа выбранных 113 карт мы сформулировали 120 признаков: 9 признаков, имеющих отношение к категории рода, 18 — к категории числа, 60 — к падежу, 32 — к категории определенности и один признак, отражающий различия в образовании форм степеней сравнения. Количество признаков и карт не совпадает, поскольку из некоторых карт мы выделяли несколько признаков. Таковы карты, отражающие грамматическое поведение нескольких лексем, например карта № 61 «Управление глаголов типа рус. *верить* (кому-либо), *помогать* (кому-либо)», и карты, которые показывают, с одной стороны, факт наличия/отсутствия явления, а с другой — конкретные особенности его реализации в разных диалектах (карты №№ 92, 98, 101, 114, 124). Например, карта № 92 «Наличие формы локатива», помимо информации, вынесенной в название, отражает также то, как эта форма употребляется — с ограничениями или без.

68 из 120 признаков являются бинарными, т. е. могут принимать только два значения, «да/нет» (0/1). Эти признаки сформулированы в виде общего вопроса, например признак 24 «Возможно ли образование форм множественного числа имен собственных и их употребление в значении “семья указанного лица”?». Названия признаков формулировались в соответствии с названиями карт или с вопросами анкеты-вопросника МДАБЯ. Далее, при интерпретации результатов (раздел «Результаты исследования»), мы будем ссылаться только на карты МДАБЯ в тех случаях, когда названия признаков и названия карт совпадают.

Остальные признаки подразумевают наличие двух и более значений, отличных от «да/нет». При этом количество значений может определяться характером явления или количеством граммем грамматической категории. Так, признак 4 «Согласование существительных-обозначений лиц по роду занятий или по качественной характеристике, оформленных морфологически по женскому роду, при обозначении лиц мужского пола в единственном числе» подразумевает, что согласование в таких случаях возможно лишь по мужскому или женскому роду. Наличие только двух возможных значений у признака 20 «В какой числовой форме употребляются анафорические местоимения вместо существительного в единственном числе с собирательным значением (и/или глагольные формы, координируемые с таким местоимением) при расширении контекста?» и всех остальных признаков, связанных с числом, обусловлено тем, что в

категории «число» во всех балканских диалектах имеются только две граммы.

Кроме этого, количество значений признака может быть ограничено набором явлений, которые были обнаружены в обследованных пунктах. Так, признак 90 «Управление глагола “быть” в конструкции типа греч. εἶναι τῆς πατέρας μας» имеет два значения — беспредложный генитив и аблатив с предлогом, хотя теоретически могут существовать и другие типы управления, например номинатив с предлогом *nga* ‘из’ в албанском языке. Значений может быть и больше двух, как в случае признаков, отражающих употребление падежей в различных обстоятельственных конструкциях, а также при глагольном управлении. К примеру, признаки 56 «Какой падеж или предложная конструкция употребляется в случае конструкции со значением “в ту ночь”?» и 69 «Управление прямопереходного глагола “наполнить (что-либо) чем-либо” (падеж)» имеют три значения: аккузатив существительного с указательным местоимением и общекосвенный падеж существительного с указательным местоимением или без такового в первом случае; аккузатив, инструментал и генитив — во втором.

На некоторых картах МДАБЯ мы наблюдаем реализацию в одном говоре двух и более значений одного признака. Например, карта № 34 «Наличие аккузативной формы имен существительных мужского рода» показывает, что в одних пунктах эта форма отмечена у всех существительных, в других же — только у определенных групп. В болгарском пункте Гега аккузатив сохраняется только у имен собственных мужского рода, а в пунктах Гела и Равна также и у терминов родства. Для того, чтобы отразить в таблице признаков наличие двух значений в Геле и в Равне, мы использовали запись через косую черту: *rgorer_nouns/kinship_terms*. Данное решение позволяет нам отражать расхождения между пунктами и в то же время не делать расстояния между ними чрезмерно большими. В приведенном примере Гела и Равна отличаются от Геги наличием значения *kinship_terms*, но частично совпадают по значению *rgorer_nouns*; в противном случае различие между Гегой и остальными болгарскими пунктами было бы более существенным.

Мы использовали запись через косую черту и в случаях, когда, помимо наличия явления в говоре(ах), нужно было отметить дополнительную информацию о его дистрибуции, как в признаке 125 «Употребление артикля в синтагмах типа болг. *non Трайко*, алб. *Hoxha Aziz, hoxh Azizi*, греч. ο Γιάννης ο γιατρός»). В сербских и болгарских пунктах артикль

отсутствует. В македонском и арумынском пунктах обязателен при нарицательном существительном, в греческих говорах в таких синтагмах обязательны два артикля (*yes/two_articles*), а в албанских артикль употребляется либо при нарицательном существительном, либо при собственном (*yes/common_proper*).

Наконец, некоторые бинарные по существу признаки в нашей таблице могут иметь значение «*yes/no*», и здесь косая черта выполняет несколько иную функцию. Как мы уже упоминали ранее, анализируя карты, отображающие оценочно-количественные суждения, мы учитывали наличие (в любом количестве) или отсутствие явления, т. е. формулировали бинарные признаки. Однако часть таких карт демонстрирует не просто наличие, а степень обязательности явления. Например, карта № 102 «Употребление артикля с генерализирующим значением в предложениях неограниченно-родовой отнесенности при риторическом вопросе типа болг. *Върбата дърво ли е?*» показывает, что в сербском говоре Каменицы такой артикль не отмечен (отсутствует), в македонском говоре Пештани он обязателен (имеется), а в болгарском говоре Равны — «возможен, но не обязателен» [Соболев 2005: 220]. Для таких случаев, как в Равне, мы ввели значение «*yes/no*», поскольку с одной стороны, явление отмечено, а с другой — нерегулярно и может отсутствовать.

Отсутствие сведений мы помечали с помощью NA (*not available*), и при количественном анализе такие значения не учитывались. Когда нужно было отразить нерелевантность какого-либо явления для того или иного говора, мы использовали обозначение «*none*» и учитывали его при количественном анализе. Например, значение «*none*» принимает признак 95 «Наличие тройного определенного артикля с пространственными значениями» и остальные признаки, связанные с категорией определенности, в черногорском пункте Завала, поскольку в этом говоре нет такой грамматической категории.

2.3. Количественный анализ

Данные были представлены в виде таблицы Excel, и их анализ затем проводился с помощью R [R Core Team 2021]. Первым шагом количественного анализа, направленного на определение степени близости изучаемых 11 говоров, было построение матрицы расстояний на основе выбранных 120 признаков. В качестве метрики при подсчете расстояний использовалось евклидово расстояние, задаваемое R по умолчанию. Расстояния рассчитывались согласно методике, разработанной М. А. Овсянниковой для анализа лингвистической близости албанских диалектов

[Morozova, Ovsjannikova, Rusakov 2020a: 287; 2020b: слайд 29]. Производился подсчет совпадений и несовпадений, после чего число несовпадений делилось на сумму совпадений и несовпадений. Полное совпадение мы считали за 1, полное несовпадение — за 0, частичное совпадение — за 0,5. Так, между пунктами 1 и 2 в Табл. 1 по первому признаку будет частичное совпадение, по второму — полное несовпадение, а по третьему — полное совпадение. Соответственно, по этим признакам близость между ними составляет: $1,5/(1,5+1,5) = 1,5/3 = 0,5$; расстояние равно $1 - 0,5 = 0,5$.

Табл. 1. Подсчет расстояний

	Пункт 1	Пункт 2	Совпадения
Признак 1	plural/singular	singular	+/-
Признак 2	singular	plural	-
Признак 3	plural	plural	+

Степень близости диалектов определялась и визуализировалась с помощью методов иерархической кластеризации. Для кластерного анализа мы выбрали агломеративную кластеризацию, при которой построение кластеров идет от мелких к крупным и делается по принципу «схожести» объектов [Бурева 2007: 16; Levshina 2015: 309]. Алгоритм агломеративной кластеризации заключается в следующем: на первом этапе каждый объект представляет собой отдельный класс, затем происходит объединение двух ближайших объектов, образующих новый класс. Далее определяются расстояния от этого класса до всех остальных объектов, и с учетом этого перестраивается матрица расстояний (сокращается на одну строку и один столбец). Это повторяется, пока не получится единый кластер. Мы предположили, что на первом уровне кластеризации вероятнее всего окажутся генетически родственные говоры, а наблюдение над более высокими уровнями позволит нам судить о степени сходства между неблизкородственными балканскими идиомами.

То, какие объекты будут считаться «ближайшими» при иерархической кластеризации, определяется разными методами кластерного анализа:

1. Метод одиночной связи (англ. *single linkage*) или метод ближайшего соседа, при котором находятся ближайшие объекты (каждому из которых соответствует свое числовое значение) и объединяются, после чего остается наименьшее из двух значений;

2. Метод полной связи (англ. *complete linkage*) или метод дальнего соседа, при котором так же находятся и объединяются ближайшие объекты, однако после этого в матрице расстояний остается наибольшее из двух значений;

3. Метод средней или межгрупповой связи (англ. *average linkage*), который в целом работает так же, как и вышеописанные два метода, но оставляет среднее значение;

4. Центроидный метод (англ. *centroid*), при котором находятся и соединяются центры кластеров [Наследов 2004: 333; Levshina 2015: 310–311].

Все четыре метода были использованы нами ранее в исследовании балканских терминологий родства и близости диалектов [Данченкова 2021]. Наиболее показательными в этой работе получились кластеры, выполненные методом ближайшего соседа и методом дальнего соседа. Поэтому в настоящем исследовании мы ограничились этими двумя методами и не использовали центроидный метод и метод средней связи.

3. Результаты исследования

Оба использованных нами метода кластеризации, как можно видеть на рис. 1 и 2, группируют пункты так, что образуются два больших кластера — славянский и неславянский, к которым на самом верхнем уровне присоединяется кластер, состоящий только из сербского говора Завалы. От остальных говоров его, по-видимому, отделяет отсутствие категории определенности (32 из 120 признаков).

3.1. Славянский кластер: болгарские говоры и македонский говор Пештани

В славянском кластере наблюдаются некоторые различия в порядке кластеризации говоров, входящих в него, в зависимости от метода анализа. Первыми оба метода — ближайшего (рис. 1) и дальнего соседа (рис. 2) — объединяют болгарские говоры, причем родопский пункт Гела позже присоединяется к кластеру, включающему пиринский и мизийский пункты Гега и Равна. При детальном рассмотрении исходных данных заметно несовпадение или частичное совпадение значений по некоторым признакам у родопского говора с остальными болгарскими. В ряду таких признаков следует особо выделить те, которые отражают наличие в Геле (наряду с общекошвенным падежом) падежных форм генитива(-локатива), датива и инструментала, отсутствующих в двух других говорах.

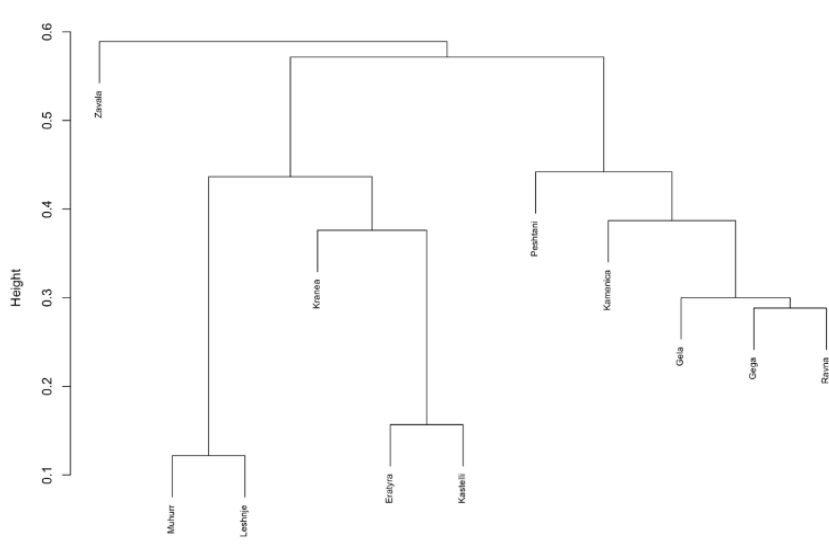

Рис. 1. Кластеризация методом ближайшего соседа

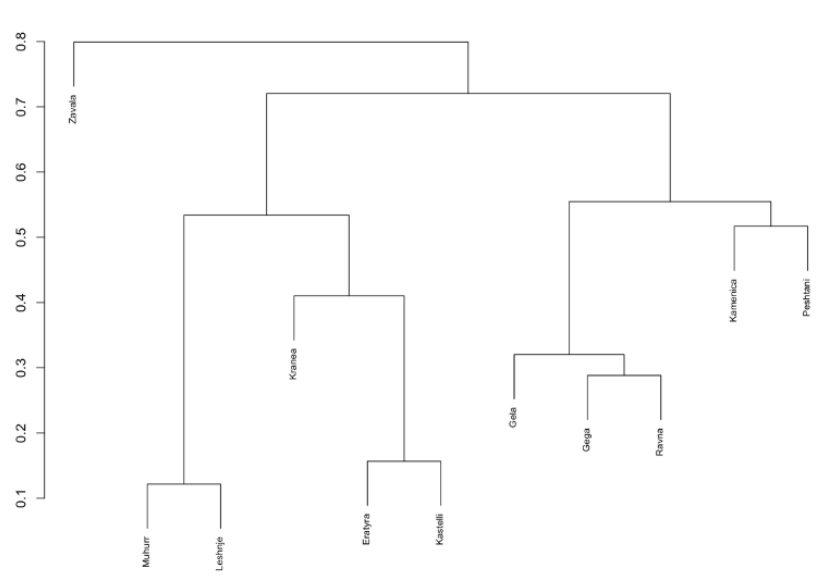

Рис. 2. Кластеризация методом дальнего соседа

К примеру, при глаголе «наполнить (чем-либо)» в Геге и Равне употребляется общекосвенный падеж, а в Геле помимо него возможен и инструментал (карта № 69). Стоит отметить, что употребление упомянутых выше падежных форм в говоре Гелы ограничено, что указывает на действие общей болгарской тенденции к их утрате: имеется только форма генитива-локатива множественного числа фамилий, употребляемая в ограниченном числе предложных конструкций; форма датива отмечена только у терминов родства мужского рода, а инструментал встречается в петрифицированных и адвербиализованных формах (карты №№ 57, 66, 84). Частичное сохранение падежных форм можно объяснить, вероятно, некоторой изолированностью и архаичностью родопских говоров [Куркина 1980: 16].

Македонский говор Пештани, как можно видеть на рис. 1 и 2, находится на сравнительно большом расстоянии от болгарских говоров, несмотря на принадлежность к одному и тому же болгаромакедонскому диалектному континууму. Метод дальнего соседа (рис. 2) относит его к другому кластеру (Каменица и Пештани), который присоединяется к болгарскому кластеру на следующем уровне кластеризации. Даже метод ближайшего соседа (рис. 1), зачастую последовательно отражающий генетическую близость говоров, присоединяет македонский говор к болгарским только после сербского торлакского говора Каменицы. Вероятно, причина в сильной балканизированности западномакедонских говоров, примером которых является село Пештани, расположенное на берегу Охридского озера. По мнению Й. Линдстедта, так называемый центр балканизации находится именно в районе озер Охридского и Преспы [Lindstedt 2000: 234].

Одна из наиболее ярких балканских черт, зафиксированных в говоре Пештани — наличие местоименного удвоения дополнения и высокая степень грамматикализации этого явления. В стандартном македонском оно зависит от определенности и референтности объекта: прямое и косвенное дополнение, выраженное существительным в определенной форме, всегда удваиваются [Friedman 2008: 136]. В говоре Пештани, также может удваиваться прямое дополнение, выраженное существительным в неопределенной форме — при условии, что перед ним стоит неопределенное местоимение, неопределенный артикль или количественные наречия (карты №№ 43, 44). В стандартном македонском в таких случаях удвоение не предусмотрено [Tomić 2006: 252], но возможно [Friedman 2008: 136].

В болгарском языке ситуация с удвоением дополнения несколько иная. Оно в большей степени обусловлено дискурсивными факторами: и прямой, и косвенный объект обязательно удваиваются при топиализации, вне зависимости от определенности и референтности, в остальных же случаях удвоение не обязательно [Tomić 2006: 265; Friedman 2008: 136]. Стоит отметить, что данные МДАБЯ о болгарских говорах лишь отчасти соответствуют этой картине и показывают еще большую нерегулярность местоименного удвоения (карты №№ 42–45). В большинстве случаев прямой объект не удваивается ни в одном из исследуемых пунктов. При топиализации может удваиваться объект, выраженный неопределенной формой существительного (в Геге и Геле), а также объект, выраженный таким существительным в сочетании с неопределенным местоимением или артиклем (только в Геле). Однако, как отмечает А. Н. Соболев в описании говора Гелы, примеров удвоения объекта вне сочетания с неопределенными местоимениями крайне мало и обычно в таких случаях оно отсутствует [Соболев 2001: 36–37] (см. также [Соболев 2005: 100, 102]).

Сравнительно большое расстояние между македонским говором Пештани и болгарскими говорами Равны, Гелы и Геги также может быть обусловлено различиями в значениях признаков, касающихся управления некоторых глаголов. Стоит отметить, что по этим признакам македонский пункт сближается с неславянскими пунктами Западных Балкан. К ним относятся, в частности, наличие двойного аккузатива при глаголе «учить», косвеннообъектной конструкции с предлогом при глаголе типа рус. *возвращаться* (к кому-либо), аккузатива в конструкции «делать (что-либо) с чем-либо» — этим говор Пештани похож на греческие и арумынский говоры и отличается, соответственно, от болгарских. Употребление в балканославянских языках аккузатива вместо инструментала, а также двойной аккузатив в управлении некоторых глаголов (карты №№ 46, 52) — результат влияния неславянских балканских языков. Сходство с греческими говорами здесь неслучайно: изменения, затрагивающие область семантики пациенса происходят по греческой модели, так называемого греческого аккузатива (лат. *Accusativus Graecus*) [Sobolev 2008: 720–721]. Эти явления наблюдаются во всех исследуемых болгаромакедонских говорах, но в разной степени — наиболее широкое распространение они получили в наиболее балканизированном македонском говоре Пештани, наименее широкое — в болгарской Равне (карты №№ 52, 53, 69, 78, 81, 82).

Кроме того, македонский пункт отличается от Гелы, Равны и Геги особенностями использования артикля, или определенного члена. К примеру, в македонском говоре артикль с генерализирующим значением в предложениях неограниченно-родовой отнесенности опционален, а в болгарских — обязателен; в синтагмах типа болг. *поп Трајко* ‘поп Трайко’, алб. *hoxha Aziz, hoxh Azizi* ‘ходжа Азиз’, греч. ο Γιάννης ο γιατρός ‘врач Яннис’ в македонском говоре присутствует определенный артикль, в то время как в болгарских он отсутствует (карты №№ 102, 125). К тому же, по некоторым признакам говор Пештани сближается с албанскими, например во всех этих говорах определенный артикль обязателен при терминах родства, обозначающих близких родственников говорящего, а в болгарских говорах он не обязателен или не употребляется (карта № 113); также в македонском и албанских говорах возможна неопределенная форма существительного в предложных обстоятельственных конструкциях, в то время как в болгарских обязателен артикль (карта № 126).

3.2. Славянский кластер: говоры Пештани и Каменицы

Любопытно, что при кластеризации методом дальнего соседа (рис. 2) говор Пештани составляет отдельный кластер с сербохорватским торлакским говором Каменицы. Причины можно усмотреть в следующем. С одной стороны, говоры торлакского наречия, в том числе говор Каменицы грамматически более балканизированы, чем другие говоры сербохорватского континуума; в этом отношении они сближаются с болгаромакедонскими и с неславянскими балканскими идиомами [Joseph 2010: 620]. Об этом свидетельствует, в первую очередь, наличие в говоре Каменицы категории определенности, которая отсутствует в Завале и в «канонических» сербохорватских говорах [Конёр и др. 2019: 18; Якушкина 2020: 90]. Во-вторых, некоторые признаки, отдаляющие Пештани от болгарских пунктов, сближают его с Каменицей. Значительная их часть касается особенностей выражения категории числа. Например, в македонском и сербском говорах в меньшей степени, чем в болгарских, распространена координация собирательных существительных в единственном числе со сказуемым во множественном числе (карты №№ 13, 16).

Разные результаты, полученные для говоров Пештани и Каменицы, при кластеризации методами дальнего (рис. 2) и ближайшего соседа (рис. 1) демонстрирует преимущества этих двух алгоритмов. Каждый метод отражает ситуацию с определенной стороны. Метод ближайшего соседа ориентируется на наименьшие расстояния, поэтому объединяет, как правило, генетически родственные говоры. Соответственно,

македонский и болгарские говоры, относящиеся к одному диалектному континууму, принадлежат к одному болгаромакедонскому кластеру. Тем не менее, можно заметить сравнительно большое расстояние между ними. Метод дальнего соседа, наоборот, подчеркивает расстояния между говорами, поэтому сразу относит говор Пештани к другому кластеру.

Интересна ситуация с говором Каменицы. Метод ближайшего соседа показывает, что он находится слишком далеко от другого сербохорватского говора (Завалы) и примыкает скорее к более балканизированным славянским говорам. Методом дальнего соседа говор Каменицы выделяется в отдельный кластер, но выделение происходит довольно поздно, тем самым отражая значительное расстояние между ним и другими балканославянскими говорами. Таким образом, оба метода в совокупности показывают, что сербский торлакский говор Каменицы балканизирован сильнее, чем говор Завалы, но не настолько сильно, чтобы сразу прикнуть к кластеру болгаромакедонских говоров, несмотря на наличие ряда сходств.

3.3. Неславянский кластер: общие наблюдения

Объединение (групп) говоров внутри неславянского кластера обоими методами выполняется одинаково. В итоге выделяются кластер албанских и кластер греческих говоров. К последним позже присоединяется арумынский говор Краньи.

Примечательно, что из всех славянских говоров наиболее приближен к албанским и другим неславянским балканизированный западномакедонский говор Пештани, это видно из кластеризации, выполненной методом ближайшего соседа (рис. 1). В нем можно отметить такие нехарактерные для других славянских говоров явления, как, например, употребление аккузатива в функции обстоятельства образа действия и сравнительно регулярное удвоение прямого объекта, в частности в конструкциях с существительными, обозначающими части тела типа мак. *(си) ги мијам рацете* 'я мою руки', мак. *(си) го мијам лицето* 'я умываю лицо' (карта № 45). Кроме того, только в македонском, в албанских и греческих говорах, отмечено употребление вещественных существительных («кровь» и «мясо») во множественном числе (карты №№ 30, 31).

3.4. Неславянский кластер: арумынский говор Краньи и греческие говоры

Пункт Кранья, как можно видеть на рис. 1 и 2, объединяется с греческими пунктами Эратира и Каstellи на одном из ранних этапов

кластеризации. Анализ исходных данных показывает, что значения 83 из 120 признаков в говоре Краньи совпадают с значениями этих признаков хотя бы в одном из греческих говоров.

Можно заметить, тем не менее, что по уровню кластеризации арумьинский говор Краньи расположен на довольно большом расстоянии от греческого кластера. Несмотря на то, что этот пункт находится на территории Греции и местный говор подвержен сильному греческому влиянию, отличия от греческих говоров наблюдаются в выражении всех грамматических категорий. Расхождения в категории рода связаны с тем, что в арумьинском языке нет среднего рода, сопоставимого с греческим [Бара, Каль, Соболев 2005: 28], поэтому признаки, связанные со средним родом (признаки 8 и 9), оказались нерелевантными для Краньи. Имеются отличия, связанные с категорией падежа, в частности в управлении глаголов. В арумьинском говоре отсутствует специализированная форма аккумулятива существительных мужского и женского рода [Бара, Каль, Соболев 2005: 43] (см. также карты №№ 35, 35). В связи с этим те глаголы, которые в греческих говорах управляют аккумулятивом, в говоре Краньи нередко имеют другое управление. Например, глагол «быть» в конструкции со значением «ему X лет» — управляет аблативной конструкцией с предлогом, а глагол «помогать» — дативом (признаки 91, 61_1, см. карты №№ 91, 61). Не встречается двойной аккумулятив при таких глаголах как, например, «учить» и «напоить» (карты №№ 51, 53).

Основные отличия в категории числа заключаются в том, что в арумьинском говоре Краньи отсутствуют существительные с суффиксом собирательности, а также не образуются формы множественного числа существительных типа «кровь» и «мясо», в то время как в греческих говорах Эратире и Кастелли они есть (карты №№ 18, 19, 30, 31). Некоторые явления, наоборот, встречаются в арумьинском говоре, но отсутствуют в греческих, например употребление формы множественного числа вещественных существительных-названий материалов для обозначения изделий из этих материалов (карта № 29).

Наконец, расхождения, имеющие отношение к категории определенности, связаны, прежде всего, с употреблением определенного артикля (определенная форма существительного в арумьинском и препозитивный артикль в греческом) и связанным с этим местоименным удвоением объекта. Так, в говоре Краньи главное слово в генитивной конструкции и существительные-названия явлений природы в функции подлежащих личных глаголов обязательно стоят в определенной форме, в то время как

в греческих пунктах артикль в обоих случаях необязателен (признаки 121, 124_1, см. карты №№ 121, 124). Иначе ведут себя существительные в родовом значении в риторических вопросах, а также с одиночные существительные в предложных обстоятельственных конструкциях: в арумынском говоре они, как правило, употребляются в неопределенной форме, в то время как в греческих — исключительно в определенной (карта № 102). Наконец, топонимы в говорах Эратиры и Каstellи встречаются только в определенной форме, а в говоре Краньи — как в определенной, так и в неопределенной (карта 108).

В говоре Краньи, в отличие от греческих говоров, возможно удвоение прямого объекта, выраженного существительным в неопределенной форме (карта № 42). Это сближает арумынский с македонским языком, в котором удвоение объекта грамматикализовано, т.е. местоименная клитика является формальным способом различения (прямого и непрямого) дополнения и подлежащего, и отличает от греческого, где удвоение объекта менее грамматикализовано и чаще всего выполняет дискурсивную функцию, маркируя тему [Tomić 2006: 242, 319]. В случае, если прямой объект определенный, в говоре Краньи удвоение обязательно, в то время как в говорах Эратиры и Каstellи оно обязательно только при топикализации (карта № 48).

3.5. Неславянский кластер: албанские говоры

Албанские говоры Мухурра и Лешни кластеризуются самыми первыми (рис. 1 и 2). Вероятно, это указывает на относительную гомогенность албанского языка с точки зрения составленного нами набора признаков, которые направлены на изучение сходств и различий между диалектами разных балканских языков, а не между диалектами одного языка. Заметим, что наше исследование [Данченкова 2020], в котором изучалась терминология родства в диалектах в албанского языка, показало, что даже с этой точки зрения албанский язык очень неоднороден. Количественный анализ фонетических и грамматических характеристик, выполненный М. С. Морозовой, М. А. Овсянниковой и А. Ю. Русаковым, показал, что по этим признакам сильно различаются гегский и тоскский диалекты [Morozova, Ovsjannikova, Rusakov 2020b: слайд 65].

Албанские говоры имеют ряд отличий от говоров славянского кластера. От говора Завалы их отделяет прежде всего наличие категории определенности, а от остальных славянских говоров — отличия по признакам, касающимся остальных грамматических категорий имени. Часть этих признаков одновременно сближает албанские говоры с греческими

и арумынским. К таковым относится, к примеру, наличие моционных дериватов турцизмов (карта № 2). Это можно объяснить тем, что в албанском и греческом, по-видимому, более развита моция как механизм словообразования.

Большая часть признаков, по которым албанские говоры отличаются от балканославянских и сближаются с греческими и арумынским, относится к категории падежа. В неславянских балканских говорах менее распространен падежный синкретизм и употребление аналитических конструкций вместо синтетических форм. Например, сохраняются формы аккузатива для всех существительных мужского и женского рода (в болгаромакедонском используется обычно или исключительно общекосвенный падеж) и форма датива (в греческом и арумынском, впрочем, есть ограничения: в мужском роде форма датива может более регулярно образовываться от одушевленных существительных, как в Кранье, или полностью замещаться аналитической конструкцией, как в Эратире) (карты №№ 35, 57). В связи с этим наблюдаются и различия в управлении глаголов и устройстве некоторых распространенных конструкций. К примеру, при глаголе «быть» в конструкциях типа алб. *i kujt është ky libër* ‘чья эта книга?’, греч. *είναι της παρέας μας* ‘он из нашей компании’, а также в конструкции со значением «ему х лет» в албанских и греческих пунктах используется генитив(-датов), отсутствующий в славянских (карты №№ 89–91). При глаголах, которые в славянских диалектах имеют предложное управление, в неславянских сохраняются беспредложные падежные формы (конструкции «пахнуть чем-либо», «делать (что-либо) с чем-либо», см. карты №№ 72, 78).

В рамках категории определенности также можно отметить признаки, по которым албанские пункты отдаляются от большинства славянских и сближаются с греческими. В основном это касается использования артикля («определенной формы» в албанском языке) в некоторых контекстах, например в предложениях ограниченно-родовой отнесенности, с терминами родства при обозначении родителей говорящего, а также в устойчивых выражениях типа рус. *да поможет (вам) бог* (карты №№ 100, 111, 122).

Имеются и признаки, по которым албанские говоры существенно отличаются не только от греческих, но и от остальных исследуемых говоров. К примеру, в албанском языке для указания на лиц женского пола при обозначении профессии не используются существительные мужского рода, как в большинстве славянских и в других неславянских

говорах (карта № 3). Вместо этого имеется ряд моционных словообразовательных моделей, по которым образуются существительные женского рода, обозначающие профессии: *doktor* ‘доктор (мужчина)’ — *doktoreshë* ‘доктор (женщина)’, *student* ‘студент’ — *studente* ‘студентка’.

Наконец, интересно отметить некоторые признаки, которые, с одной стороны, отличают албанские говоры от греческих внутри «неславянского» кластера, а с другой — сближают их с арумьнским. Во-первых, албанские пункты отличаются отсутствием категории среднего рода, сравнимой со славянской или греческой, в связи с чем часть признаков, связанных с родом и ориентированных в большей степени на описание грамматической структуры балканославянских диалектов, для них нерелевантна (признаки 8, 9; см. карты №№ 8, 9). В этом плане они сближаются с арумьнским говором, в котором также отсутствует средний род [Бара, Каль, Соболев 2005: 28].

Во-вторых, говор Краньи сближается с албанскими по признакам, касающимся числовой координации (существительные в единственном числе типа рус. *рой* и рус. *большинство* сочетаются с глаголом во множественном числе), удвоения объекта (для албанского и арумьнского характерна бóльшая обязательность удвоения прямого и косвенного объекта в препозиции к глаголу, чем для греческого; кроме того, таким образом в арумьнском и албанских говорах разрешается двузначность субъектно-объектных отношений при нейтрализации морфологических показателей), а также управления некоторых глаголов (при глаголах типа рус. *помогать* (кому-л.) используется датив) (карты №№ 14, 15, 49, 60, 61).

4. Заключение

В данном исследовании мы предприняли попытку разработать оптимальный подход к количественному анализу близости диалектов основных балканских языков. На этапе переноса данных с карт в таблицу мы решили, во-первых, различать отсутствие данных (NA) и нерелевантность признаков (none), а во-вторых, использовать написание через косую черту для разделения нескольких значений признака в одном пункте, а также для отражения информации о наличии/отсутствии признака (yes/no) и дополнительных значений, связанных с наличием. Такой подход позволяет учитывать, с одной стороны, близость тех или иных говоров (наличие в них одного и того же явления), а с другой — различия между ними (разная реализация этого явления). Далее, при количественном анализе мы использовали методику, которая была ранее разработана

для анализа лингвистической близости албанских диалектов [Morozova, Ovšjannikova, Rusakov 2020a: 287; 2020b: слайд 29] и позволяет учитывать полные и частичные совпадения в значениях признаков при подсчете расстояний, а также методы кластеризации, из которых в качестве наиболее подходящих были выбраны методы ближайшего и дальнего соседа.

Полученные кластеризации позволяют сделать следующие выводы о схождениях и различиях балканских диалектов.

На основе данных об именном морфосинтаксисе исследуемые балканские говоры четко делятся на славянский и неславянский кластеры. В первом — болгаромакедонские и сербохорватский торлакский говор Каменицы, во втором — албанские, греческие и арумунский говоры. Отдельный кластер составляет наименее балканизированный сербский говор Завалы, который отличается от остальных исследуемых говоров прежде всего отсутствием категории определенности.

Самыми близкими пунктами, которые разделяют большинство признаков, отобранных для этого исследования, являются албанские Мухурр и Лешня. Причина в том, что признаки ориентированы на выявление общих балканских черт; собственно албанские диалектные различия между этими говорами достаточно велики. Арумунский говор Краньи, находящийся на территории Греции, кластеризуется с греческими, вероятно, из-за сильного греческого влияния, однако находится на довольно большом расстоянии от них. Имеются признаки, по значению которых албанские и арумунский говоры сближаются между собой, но отдаляются от греческих говоров. Такие признаки, однако, немногочисленны.

Балканизированный македонский говор Пештани отличается очень высокой степенью грамматикализации некоторых общебалканских явлений, например удвоения дополнения, от болгарских говоров. С другой стороны, в нем есть черты, которые не входят в число традиционных «балканизмов» и по которым он сближается, к примеру, с относительно балканизированным торлакским говором Каменицы.

Таковы результаты нашего исследования, посвященного изучению схождения и различий в грамматике балканских диалектов. Данную картину мы получили при рассмотрении их именного морфосинтаксиса. Основная часть различий между говорами отмечена в категориях падежа и определенности и проявляется, в частности, в моделях управления глаголов и механизмах местоименного удвоения субстантивного дополнения. Для получения более окончательных выводов о близости изучаемых

диалектов в будущем к существующему списку признаков следует добавить признаки, касающиеся глагольной системы, а затем сравнить и объединить результаты.

Список условных сокращений

алб. — албанский, англ. — английский, болг. — болгарский, греч. — греческий, лат. — латинский, мак. — македонский, рус. — русский, суш. — существительное.

Литература

- Бара, Каль, Соболев 2005 — М. Бара, Т. Каль, А. Н. Соболев. Южноарумынский говор села Турья (Пинд). Синтаксис, лексика, этнолингвистика, тексты. München: Biblion Verlag, 2005.
- Бурева 2007 — Н. Н. Бурева. Многомерный статистический анализ с использованием ППП «STATISTICA». Учебное пособие. Нижний Новгород: ННГУ, 2007.
- Данченкова 2020 — А. А. Данченкова. Диалектное разнообразие албанской терминологии родства в свете языковых контактов. Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, Кафедра общего языкознания, 2020.
- Данченкова 2021 — А. А. Данченкова. Количественный и качественный анализ сходств и различий в терминологии родства балканских диалектов. Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, Кафедра общего языкознания, 2021.
- Конёр и др. 2019 — Д. В. Конёр, А. Л. Макарова, А. Н. Соболев. Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного университета. Филология. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2019. № 58. С. 17–33.
- Куркина 1982 — Л. В. Куркина. Лексические архаизмы родопского диалекта // Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндин, Г. А. Климов, В. А. Меркулова, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев (ред.). Этимология. 1980. М.: Наука, 1982. С. 16–30.
- Наследов 2004 — А. Д. Наследов. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
- Соболев 2001 — А. Н. Соболев. Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Marburg an der Lahn: Biblion Verlag, 2001.
- Соболев 2005 — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия грамматическая, с преимущественным вниманием к

- структуре балканославянских языков. Т. I. Категории имени существительного. München: Biblion Verlag, 2005.
- Якушкина 2020 — Е. И. Якушкина. Лексическое своеобразие призренско-тимокских говоров сербского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2020. № 11-2. С. 90–94.
- Joseph 2010 — B. Joseph. Language contact in the Balkans // R. Hickey (ed.). The Handbook of Language Contact. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. P. 618–633.
- Levshina 2015 — N. Levshina. How to do Linguistics with R: Data exploration and statistical analysis. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015.
- Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. Linguistic Balkanization: contact-induced change by mutual reinforcement // D. G. Gilbers, E. A. Nerbonne, J. Schaecken (eds.). Languages in Contact. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 2000. P. 231–246.
- Morozova, Ovsjannikova, Rusakov 2020a — M. Morozova, M. Ovsjannikova, A. Rusakov. Albanian dialects in the light of language contact: A quantitative study of loanwords // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2020. Vol. 16. Part 2. P. 275–305.
- Morozova, Ovsjannikova, Rusakov 2020b — M. Morozova, M. Ovsjannikova, A. Rusakov. A dialectometric study of Albanian varieties: Linguistic complexity and language contact history. URL: <https://docs.google.com/presentation/d/1yJFWcvzjJuVXTYWU74g2jyq6owdTARqL/edit#slide=id.p1> (дата обращения 16.08.2021).
- R Core Team 2021 — R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 2019. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения 16.08.2021).
- Sobolev 2008 — A. N. Sobolev. From synthetic to analytic case. Variation in South Slavic dialects // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 716–729.
- Tomić 2006 — O. M. Tomić. Balkan Sprachbund morpho-syntactic features. Dordrecht: Springer, 2006 (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 67).
- Friedman 2008 — V. A. Friedman. Balkan Slavic dialectology and Balkan linguistics: Periphery as center // Ch. Y. Bethin (ed). American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008. Vol. 1: Linguistics. Bloomington, IN: Slavica, 2008. P. 131–48.

CUM INVERSUM КАК МИРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «САТИРИКОНА» ПЕТРОНИЯ)

М. А. Лоскина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
deinalteramille@gmail.com

1. Введение

Миративность — это лингвистическое маркирование высказывания как несущего новую или неожиданную для говорящего информацию [DeLancey 1997: 2001]. Впервые это понятие упоминается в конце XIX века в отношении одной из глагольных форм албанского языка [Dozon 1879: 226–227], но надо отметить, что в случае с албанским языком используется термин **адмиративность**, тогда как в исследованиях данной категории в целом предпочтительнее термин «миративность», поскольку его значение шире.

Тема миративности стала одной из самых актуальных в современной лингвистике и изучается на материале многих языков мира [DeLancey 1997; 2001; 2012; Mexas 2016]. Исследования миративности в древних языках начались сравнительно недавно [Cuzzolin 2017; Zheltova 2018].

Материалом для нашего исследования *cum inversum* стал роман Петрония Арбитра «Сатирикон». Мы собрали контексты употребления союза *cum*, которые можно классифицировать как *cum inversum* (в грамматиках выделяется 9 значений этого союза [Соболевский 1948: 274–280]). Нас интересовали случаи как одиночного использования этого союза, так и в сопровождении частиц и наречий (*ecce, interim, subito*). Предложения были собраны отдельно в «Пире Тримальхиона» и в повествовательных частях романа. «Пир Тримальхиона» рассматривался отдельно, поскольку эта часть романа отличается от остальных стилистически и композиционно.¹² Предполагалось, что могут быть различия и в употреблении *cum inversum*.

Следующим этапом исследования стали анализ случаев употребления *cum inversum* и составление статистики использования глагольных времен в главном и придаточном предложениях. Основные вопросы, на которые мы обращали внимание при анализе: какие семантические оттенки к общему миративному значению *cum inversum* добавляют

---

¹² Для исследования использовались издания [Mueller 1995; Smith 1975].

дополнительные лексические средства (*ecce, interim, subito*); влияет ли употребление этих частиц и наречий на выбор грамматических времен глаголов в главном и придаточном предложениях; какие стилистические особенности имеет *cum inversum* как миративная стратегия.

В статье рассказывается о лингвистической категории **миративности** (раздел 2): об истории ее изучения (2.1), о выражении миративных значений в латинском языке (2.2) и о *cum inversum* как миративной стратегии (2.3). Раздел 3 посвящен анализу случаев использования *cum inversum* в повествовательных частях романа (3.1) и в «Пире Тримальхиона» (3.2), а также сравнению полученных результатов (3.3).

2. История изучения миративности

2.1 Миративность как лингвистическая категория: обоснование и изучение

Термин **адмиратив** был введен фольклористом О. Дозоном в конце XIX в. Он назвал так одно из наклонений албанского языка, которое выражает своего рода эмоциональную оценку полученной информации. Поэтому им было выбрано название, происходящее от глагола «восхищаться» (фр. *admirer*). Тем не менее, в современных исследованиях более предпочтительным является термин «миратив», потому что адмиратив семантически связан с восхищением и используется сейчас в частных случаях (в основном, по отношению к албанскому языку).

Стоит отметить, что категория миративности некоторое время рассматривалась как подкатегория эвиденциальности, потому что в некоторых исследуемых языках обе категории выражаются одними и теми же средствами. Тем не менее, их очевидное различие заключается в том, что эвиденциальность указывает, как была получена информация, а миративность указывает на то, что эта информация новая и/или неожиданная, т. е. обозначает переход от эпистемического состояния незнания к знанию (независимо от источника или способа получения информации). Кроме того, эти категории могут быть выражены независимо друг от друга, поскольку в языках мира существуют как эвиденциальные системы, не выражающие миративных значений, так и миративы, не выражающие эвиденциальных значений [Aikhenvald 2004: 195]¹³. Обоснованию миративности как отдельной категории посвящены также статьи С. ДеЛанси [DeLancey 2001; 2012].

---

¹³ «As there are evidential systems that do not express mirativity, there are also mirative systems that do not express evidentiality».

С. ДеЛанси дает такое определение миративности: «лингвистическое маркирование высказывания как несущего новую или неожиданную для говорящего информацию» [DeLancey 1997; 2001]¹⁴.

По определению А. Айхенвальд, миративность — это «грамматическая категория, которая отражает неподготовленное сознание говорящего, неожиданную новую информацию и сопутствующее удивление» [Aikhenvald 2004: 195]¹⁵. Она также приводит следующие составляющие диапазона миративных значений [Aikhenvald 2012: 437]:

- (i) внезапное открытие, внезапное откровение или осознание,
- (ii) неожиданность,
- (iii) неподготовленное сознание,
- (iv) противоположное ожидание,
- (v) новая информация.

Все эти значения могут относиться к:

- (a) говорящему,
- (б) адресату,
- (в) главному герою повествования.

А. Айхенвальд добавляет, что в ряде языков разные миративные значения выражаются разными способами [там же].

Х. Мексас же считает, что на момент написания его работы данное понятие остается неясным, поскольку ему еще не было дано точного определения [Mexas 2016: 1] и, проанализировав имеющиеся сведения, определяет миративность как «маркирование осознания». «Осознание — это переход из эпистемического состояния незнания в эпистемическое состояние знания» [Mexas 2016: 11]¹⁶. Он утверждает, что осознание должно рассматриваться как достаточное и единственное необходимое условие, чтобы назвать определенный маркер или конструкцию миративными; удивление же может присутствовать при неожиданности осознанного, но обязательным условием не является.

---

¹⁴ «The term ‘mirativity’ refers to the linguistic marking of an utterance as conveying information which is new or unexpected to the speaker».

¹⁵ «Mirativity is a grammatical category which covers the speaker’s unprepared mind, unexpected new information, and concomitant surprise».

¹⁶ «Such an argumentation leads to a final definition of mirativity as ‘realization marking’. Realization is the transition from an epistemic state of not-knowing to an epistemic state of knowing».

На наш взгляд, наиболее точно отражает понятие миративности определение С. ДеЛанси. Определение, которое предлагает Х. Мексас, более краткое, но по смыслу не отличается от последнего, так как «переход из эпистемического состояния незнания в эпистемическое состояние знания» и означает, что данная информация — новая для говорящего, к тому же, из определения ДеЛанси видно, что он считает и неожиданность информации основанием для того, чтобы причислить к миративам какой-либо маркер или конструкцию, что нам кажется справедливым.

Способы выражения миративных значений существуют во всех языках, но различаются по своему грамматическому статусу [Zheltova 2018: 228]. Для этого могут служить различные лексические средства, морфологические маркеры, специальные частицы и союзы, синтаксические конструкции.

2.2. Выражение миративности в латинском языке

В латинском языке существуют не только лексические, но и грамматические способы выражения миративных значений: синтаксические конструкции, глагольные времена и наклонения, специальные частицы и союзы. Их миративное значение обусловлено контекстом и в некоторых случаях возможно только в сочетании с другими грамматическими категориями (глагольного лица, числа и т. п.). Так как миративные значения не являются для них основными, их следует называть не миративами, а миративными стратегиями. Выявлению и классификации таких миративных стратегий посвящена статья Е. В. Желтовой [Zheltova 2018]:

- *Accusativus exclamationis* и другие восклицательные предложения с миративной семантикой;
- *Coniunctivus potentialis* и *Futurum indicativi* с семантикой несогласия или отрицания;
- миративное использование частицы *esse*;
- *cum inversum* как миративная стратегия;
- *Imperfectum indicativi* как показатель «отложенного осознания» (осознания постфактум).

Е. В. Желтова в своей статье [Zheltova 2018] показывает, что выбор стратегии в некоторых случаях напрямую зависит от жанра произведения и стиля речи. Так, например, *Accusativus exclamationis* как миративная стратегия наиболее типичен для римской комедии, *Coniunctivus potentialis* и *Futurum indicativi* — для жанров, использующих диалогическую разговорную речь и т. д.

2.3. *Cum inversum* как миративная стратегия

В данной статье мы рассмотрим *cum inversum* как миративную стратегию.

Cum inversum (*cum* «переставленное») называется так потому, что предложение, вводимое им, по смыслу главное, грамматически является придаточным, а предложение, по смыслу придаточное, грамматически становится главным. Такая перестановка может быть объяснена тем, что ситуативный фон события оказывается важной и необходимой частью сообщения, поэтому соответствующая информация указывается в главной части высказывания.

Структурно главное предложение ставится на первом месте и имеет сказуемое в *Imperfectum* или *Plusquamperfectum indicativi*, обыкновенно в соединении со словами *iam* ‘уже’, *nondum* ‘еще не’, *vix* ‘едва’. Предложение с *cum* ставится на втором месте, и сказуемое в нем стоит в *Perfectum historicum* (или *Praesens historicum*). Предложения с *cum inversum* обычно переводятся на русский язык при помощи союза «как вдруг».

Стоит отметить, что использование *cum inversum* не наблюдается в косвенной речи, то есть оно создает эффект присутствия и отражает мгновенную реакцию на событие. По классификации миративных значений, составленной А. Айхенвальд и приведенной нами в 2.1, значение, выражаемое *cum inversum* как миративной стратегией, можно отнести к «неожиданности» или «неподготовленному сознанию» говорящего.

М. Смит отмечает, что Петроний часто использует эту стратегию, особенно в «Пире Тримальхиона», рассказывая о неожиданных и странных поступках Тримальхиона [Smith 1975: 54]. Например:

- (1) *in his eramus lautitiis, cum ipse Trimalchio ad symphoniam allatus est positusque inter cervicalia minutissima expressit imprudentibus risum.*

‘Мы находились в этой роскоши, как вдруг под звуки музыки внесли самого Тримальхиона и уложили на очень маленьких подушках, что у непонимающих вызвало смех’¹⁷ (Petr. Sat. 32, 1)

Миративное значение может быть усилено словами *repente, subito* ‘вдруг’, *ex improviso* ‘неожиданно’. Например:

¹⁷ Здесь и далее перевод наш.

- (2) *nos interim vestiti errare coepimus, immo iocari magis et circulis ludentium accedere, cum subito videmus senem calvum, tunica vestitum russea, inter pueros capillatos ludentem pila.*

‘Одетые, мы начали прогуливаться, скорее для развлечения, и подходить к кружкам играющих, как вдруг видим лысого старика, одетого в красную тунику и играющего в мяч с кудрявыми мальчиками’ (Petr. Sat. 27, 1)

Иногда миративные оттенки предложения с *cum inversum*, возникающие в контексте неожиданной ситуации, усиливаются частицей *ecce*, которая, кстати, может быть миративной стратегией и сама по себе (см. 2.2):

- (3) *execratus itaque aniculae insidias operui caput et per medium lupanar fugere coepi in alteram partem, cum ecce in ipso aditu occurrit mihi aequae lassus ac moriens Ascylos; putares ab eadem anicula esse deductum.*

‘Итак, я проклял коварную старушонку, прикрыл голову и побежал через весь лупанарий в другой конец, как вдруг у самого входа со мной столкнулся Аскил, такой же уставший и еле живой; можно было подумать, что его заманила сюда та же старушка’ (Petr. Sat. 7, 4)

Е. В. Желтова делает предварительный вывод о том, с какими литературными жанрами связан выбор рассматриваемой нами миративной стратегии. Она приводит следующие данные: *cum ecce* найдено в произведениях трех авторов, в основном в «Метаморфозах» Апулея; *cum subito* встречается в произведениях 19 авторов, в основном в трактатах Цицерона, «Энеиде» Вергилия, «Метаморфозах» и «Фастах» Овидия, «Сатириконе» Петрония и «Аргонавтике» Валерия Флакка, *cum repente* используется 9 авторами, в основном Титом Ливием и Тацитом [Zheltova 2018: 237].

Такая статистика показывает, что данная миративная стратегия характерна для исторической прозы, эпоса и приключенческих романов.

3. *Cum inversum* в «Сатириконе» Петрония

3.1. *Cum inversum* в повествовательных частях «Сатирикона»

В повествовательных частях «Сатирикона» выявлено 19 случаев употребления *cum inversum*.

В главном предложении используются *Imperfectum*, *Plusquamperfectum* и *Perfectum indicativi*.

В 7 из 19 случаев употребления *cum inversum* сказуемое главного предложения стоит в *Plusquamperfectum indicativi*. В этих случаях используется плюсквамперфект второго типа [Соболевский 1948: 211–212], который указывает на состояние, являющееся результатом действия,

произошедшего раньше. На это состояние указывают и такие союзы как, например, *iam*:

- (4) *iam et tricliniarches experrectus lucernis occidentibus oleum infuderat, et pueri deterisis paulisper oculis redierant ad ministerium, cum intrans cymbalistria et concrepans aera omnes excitavit.*

‘Уже и проснувшийся триклиниарх подлил масла в угасающие лампы, и рабы, протерев глаза, вернулись к службе, как вдруг вошла кимвалистка и всех разбудила звоном бронзы’ (Petr. Sat. 22, 6)

Соответственно, в ряду однородных сказуемых могут использоваться формы и *Plusquamperfectum*, и *Imperfectum indicativi*:

- (5) *iam Psyche puellae caput involverat flammeo, iam embasicoetas praeferebat facem, iam ebriae mulieres longum agmen plaudentes fecerant thalamumque incesta exornaverant veste, cum Quartilla quoque iocantium libidine accensa et ipsa surrexit correptumque Gitona in cubiculum traxit.*

‘Уже Психея обернула голову девочки фатой, уже кинед нес впереди факел, пьяные женщины, хлопая, образовали длинную процессию и покрыли брачное ложе непристойным покрывалом, как вдруг Квартилла, тоже горящая страстью этой игры, поднялась и, схватив Гитона, сама потащила его в спальню’ (Petr. Sat. 26, 1)

Также в *Plusquamperfectum indicativi* в главном предложении стоит глагол *coepere*, который является частью составного глагольного сказуемого. В таких случаях плюсквамперфект по своему значению соответствует имперфекту глагола, стоящего в инфинитиве:

- (6) *iam Giton mirabili forma exarmaverat nautas coeperatque etiam sine voce saevientes rogare, cum ancillae pariter proclamant: “Giton est, Giton, inhibete crudelissimas manus; Giton est, domina, succurre”.*

‘Гитон уже обезоружил матросов своей удивительной красотой и без слов начал просить их, свирепствующих, о пощаде, как вдруг служанки в один голос кричат: «Это Гитон, Гитон, остановите безжалостные руки; это Гитон, госпожа, на помощь»’ (Petr. Sat. 105, 7)

В придаточном предложении в повествовательных частях «Сатирикона» практически с одинаковой частотой встречаются *Perfectum indicativi* и *Praesens historicum*.

В двух случаях точно определить время сказуемого нельзя¹⁸, т. к. формы *Perfectum indicativi* и *Praesens historicum* 3 лица единственного числа у этих глаголов имеют одинаковое написание, а контекст оставляет возможность использования обоих времен (второй — см. пример (3)):

- (7) *nec diu spatiatu consederam, ubi hesterno die fueram, cum illa intervenit comitem aniculum trahens.*

‘Немного прогулявшись, я сел там же, где вчера, как вдруг она появилась, ведя с собой какую-то старушку’ (Petr. Sat. 131, 2)

В трех случаях после союза *cum* встречаются расширители миративного значения (в двух случаях с помощью частицы *ecce* и в одном с помощью наречия *interim*). Там, где миративное значение усиливается при помощи частицы *ecce*, сказуемые главного предложения стоят в *Perfectum indicativi* (стоит отметить, что *Perfectum indicativi* в главном предложении встречается в романе только в сочетании с усилителями или расширителями миративного значения *cum inversum*). Также в обоих этих примерах главное предложение вводится союзом *itaque* (второй — см. пример (3)):

- (8) *itaque ad casae ostiolum processi... cum ecce tres anseres sacri qui, ut puto, medio die solebant ab anu diaria exigere, impetum in me faciunt foedoque ac veluti rabioso Stridore circumstant trepidantem.*

‘Итак, я подошел к двери домика, как вдруг три священных гуся, которые, как я думаю, в полдень обычно требовали у старухи еды, напали на меня со страшным, как будто бешеным, шипением и окружили меня, дрожащего’ (Petr. Sat. 136, 4)

3.2. *Cum inversum* в «Пире Тримальхиона»

Отдельно исследование проводилось на материале «Пира Тримальхиона», поскольку эта часть романа отличается от остальных стилистически и композиционно. Предполагалось, что могут быть различия и в контекстах употребления *cum inversum*.

В «Пире Тримальхиона» было выявлено 14 случаев использования *cum inversum* (в 9 из них действующим лицом придаточного предложения является Тримальхион).

В данной части романа, как и в других, сказуемое главного предложения с одинаковой частотой стоит в *Imperfectum indicativi* либо *Plusquamperfectum indicativi* второго типа, а сказуемое придаточного —

¹⁸ В статистике выделены в группу *dubia*.

практически в том же соотношении в *Perfectum indicativi* либо в *Praesens historicum*.

В двух случаях миративное значение *cum inversum* усиливается при помощи наречия *subito*. Сказуемое придаточного предложения в этих примерах стоит в *Praesens historicum*, что создает эффект присутствия (второй — см. пример (2)):

- (9) *iam Trimalchio eadem omnia lusu intermisso poposcerat feceratque potestatem clara voce, si quis nostrum iterum vellet mulsum sumere, cum subito signum symphonia datur et gustatoria pariter a choro cantante rapiuntur.*

‘Тримальхион, прервав игру, потребовал всего того же и ясным голосом дал разрешение брать, если кто из нас снова захочет вина с медом, как вдруг по знаку начинает играть музыка и поющий хор убирает все закуски’ (Petr. Sat. 34, 1)

3.3 Сравнение «Пира Тримальхиона» и повествовательных частей романа

Одно из основных стилистических отличий «Пира Тримальхиона» от остальных частей романа заключается в том, что в нем больше диалогической речи, однако исследуемая миративная стратегия в прямой речи в романе не встречается ни разу. Такие данные подтверждают предварительный вывод о том, что *cum inversum* как миративная стратегия связан с повествовательными жанрами (см. 2.3).

Количественные данные употребления глагольных времен в главном и придаточном предложениях для «Пира Тримальхиона» и других частей романа существенных различий не показывает (табл. 1 и 2).

Табл. 1. Употребление глагольных времен в главном предложении

	Повествовательные части «Сатирикона»	«Пир Тримальхиона»
<i>Imperfectum indicativi</i>	10	8
<i>Plusquamperfectum indicativi</i>	7	5
<i>Perfectum indicativi</i>	2	1

**Табл. 2. Употребление глагольных времен
в придаточном предложении**

	Повествовательные части «Сатирикона»	«Пир Тримальхиона»
<i>Perfectum indicativi</i>	9	8
<i>Praesens historicum</i>	7	6
<i>Dubia</i>	2	–
Без сказуемого	1	–

Также не было выявлено использования *cum inversum* в диалогической речи, что свидетельствует о стилистических особенностях данной мимативной стратегии.

4. Заключение

В латинском языке существует 5 мимативных стратегий: это синтаксические конструкции, глагольные времена и наклонения, специальные частицы и союзы. В статье была рассмотрена мимативная стратегия *cum inversum*. Предложения с таким использованием этого союза создают эффект присутствия и отражают мгновенную реакцию на событие. Мимативное значение такого рода предложений относится к «неожиданности» и «неподготовленному сознанию» говорящего и может быть усилено при помощи таких слов как *repente*, *subito*, *ex improviso*, *ecce* и др.

Исследование позволило сделать следующие выводы:

1) Составленная отдельно для «Пира Тримальхиона» и остальных частей романа статистика употребления глагольных времен не показывает значимых различий.

2) *Cum inversum* не используется Петронием в диалогической речи, из чего следует, что у этой мимативной стратегии существуют стилистические особенности, а именно: *cum inversum* как мимативная стратегия связан с повествовательными жанрами.

3) Наблюдается связь между использованием наречий и частиц, усиливающих мимативное значение *cum inversum* или добавляющих его значению оттенки, и выбором времени главного и придаточного предложений.

Список условных сокращений

фр. — французский язык; *Petr. Sat.* — Petronius Arbitr. *Satyricon*.

Литература

- Соболевский 1948 — С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология и синтаксис. Изд. 3-е, дополн. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948.
- Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2012 — A. Y. Aikhenvald. The essence of mirativity // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. P. 435–485.
- Cuzzolin 2017 — P. Cuzzolin. Some remarks on the Infinitivus indignantis. Is this label necessary? // 19th International Colloquium on Latin Linguistics. Munich, 24–28t April 2017. Book of Abstracts. Munich: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 2017. P. 30–31.
- DeLancey 1997 — S. DeLancey. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information // *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. P. 33–52.
- DeLancey 2001 — S. DeLancey. The mirative and evidentiality // *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. P. 369–382.
- DeLancey 2012 — S. DeLancey. Still mirative after all these years // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. P. 529–564.
- Dozon 1879 — A. Dozon. Manuel de la langue chkipe ou albanaise. Paris: Leroux, 1879.
- Mexas 2016 — H. Mexas. Mirativity as realization marking: A cross-linguistic study. Leiden: Universiteit Leiden, ResMA Linguistics, 2016.
- Mueller 1995 — K. Mueller (ed.). *Petronii Arbitri Satyricon reliquiae*. 4. ed. Stutgardia; Lipsiae: Teubner, 1995.
- Smith 1975 — M. S. Smith (ed., comm.). *Petronii Arbitri Cena Trimalchionis*. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- Zheltova 2018 — E. V. Zheltova. How to express surprise without saying “I’m surprised” in Latin // *Philologia Classica*. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 228–240.

ЖИТИЕ АНТОНИЯ НОВОГО: ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ

Д. В. Мельникова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
meldasha13@gmail.com

Целью статьи является выявление композиционных приемов, использованных автором жития Антония Нового. К задачам относится анализ композиции жития, а также сопоставление текста с другими агиографическими произведениями VIII–IX вв. Исследование проводилось на материале двух византийских житий Эпохи Монашеского возрождения — жития Антония Нового и жития Льва Катанского.

Антоний Новый — святой, живший в VIII–IX вв. (785–864 гг.). По поручению игумена Крильского монастыря Климента неизвестным автором было написано житие Антония Нового, в котором подробно описывается жизненный путь, искушения и чудеса святого¹⁹

1. Композиция жития Антония Нового

Житие Антония Нового имеет особую композицию. Оно состоит из 44 глав, которые можно условно разделить на следующие части:

1.1. Предисловие — 1 глава

В первой части автор подводит читателя к истории жизни Антония Нового, говоря, что агиографический текст был создан по поручению игумена Крильского монастыря Климента с целью прославить деяния святого.

1.2. Сведения о герое. Предсказание Иоанна-разбойника — 2–9 главы

В этой части мы узнаем, что Антоний Новый родился около 785 г. в Палестине в городе Фосат, который расположен недалеко от Иерусалима, и был наречен при крещении Иоанном. Его родителей звали Фотин и Ирина.

Уже с третьей главы, до основного повествования о событиях жизни Антония Нового, начинается вставная часть. В ней повествуется история разбойника Иоанна, который после раздумий о своем образе жизни бросает всё свое имущество и селится в лавре знаменосца Савы. Пробыв там

---

¹⁹ Текст издан в [Лопарев 1913: 109–124]; перевод см. [Латышев 1907: 209–243]; о житии см. [Пападопуло-Керамевс 1907: 186–213; Каждан 2002].

10 лет, Иоанн покидает лавру и перебирается в гору у города Фосат. Туда к нему в числе молящихся приходят и родители Антония Нового, которые просят Иоанна, чтобы их сын служил ему. И во время одного из таких служений святой предсказывает Антонию Новому, что он сначала будет управлять многими городами Византии, а затем станет отшельником.

1.3. Побег в Атталию. Служба наместником Кивиреотской области — 10–19 главы

В этой части рассказывается о побеге Антония Нового и его жизни в Атталлии. После смерти матери юноша, получив наследство и взяв брата, тайно бежит из дома и прибывает в Атталию. Через некоторое время император Михаил II назначает его наместником Кивиреотской области. Во время службы Антоний Новый также принимает активное участие в подавлении мятежа Фомы Славянина и преследовании его последователей.

Уже в этой части показаны чудеса Антония Нового. Например, однажды по пути в Константинополь Антоний под видом врача останавливается у одного зажиточного человека. Этот человек жил с супругой 25 лет, но у пары не было детей, что огорчало их. Антоний же, узнав об этой проблеме, приказывает принести Евангелие и, сшив полосу, пишет на ней молитву, в которую включает имена святых, а также призвание Богородицы, и вручает ее паре, дав определенные приказания, как и что им необходимо делать. Вскоре после этого у них рождается ребенок.

1.4. Приход к монашеству, странствия, искушения и чудеса Антония Нового — 20–43 главы

В этой части показан переход Антония Нового от мирской жизни к жизни монаха. Когда он испытывает желание жениться, к нему приходит письмо от Иоанна-разбойника. В этом письме святой намекает Антонию на то, что настало время перейти к монашеской жизни. Так, в возрасте 40 лет он принимает постриг с именем Антоний. Также принимает постриг и его слуга Феодор, который был наречен Савою.

Далее в житии описываются скитания, искушения и чудеса святого.

Герой дважды претерпевает трудности из-за императоров. В первый раз Михаил II после новости о постриге Антония отправляет патрикия с флотом, чтобы убить его. Но тот, встретив Антония, не выполняет поручение императора. Вместо этого патрикий припадает к ногам святого, прося у него молитвы и благословения.

Когда же после смерти Михаила, на престол вступает Феофил, к нему поступают жалобы против бывшего наместника Кивиреотской области, в которых говорится, что во время своей службы Антоний лишил многих людей денег и имений. Император поручает это дело Стефану, который заключает святого под стражу, требуя от него взятку. Но не получив ее, Стефан приводит Антония к себе в дом и там наносит ему 50 тяжчайших ударов жилами. После этого он приказывает забить ноги святого в железа и оставить его в маленькой комнате до следующего дня. Там Антоний, молясь Богу, чувствует, как железо пропадает с его ног. Подумав, что это искушение, он находит узы и снова заключает в них свои ноги. Но, когда это повторяется с ним трижды, он смиряется и перестает сопротивляться. Днем, когда к нему приходят слуги и пытаются снять наложенные на ноги утром узы, они терпят неудачу, из-за чего приходится разбивать металл. Представ перед императором, Антоний получает прощение и освобождение. Стефана же Феофил остригает в монахи и высылает из города вместе с его семьей, а имущество передает в казну.

Во время скитаний Антония Нового в каждом городе он сталкивается с различными трудностями. Так, сначала святой проходит необутым до города Аморий, где с Савой страдает из-за отсутствия продовольствия. Когда же слуга предлагает ему покинуть город, он просит его отыскать ослика, так как уже не может преодолеть долгий путь пешком из-за изнеможения. Саве удается договориться с одним человеком при условии, что тот отвезет их за две монеты до Пил. При выходе из городских ворот они получают эти 2 монеты от прохожего, который, увидев Антония таким изможденным, не смог остаться равнодушным к нему.

В Никее Антоний ведет затворнический образ жизни. Святой не принимает пищи и ни с кем не видится в течение пяти дней каждую неделю, во время же выходных он ест хлеб, пьет воду и принимает у себя всех желающих с ним побеседовать. Так он проводит 9 месяцев, а после всходит на Агавр, желая получить успокоение на горе Олимп. Через некоторое время святой селится в монастыре Евнухов, где находится под обучением у святого Иакова.

Также в житии описано чудо Антония Нового. Однажды умирает дочь одного из друзей Антония. И во время ее погребения родители просят святого вернуть девочку к жизни, что ему удается осуществить с помощью креста и молитвы. Однако Антоний просит родителей девочки никому не рассказывать о совершенном чуде.

1.5. Заключение — 44 глава

В этой части говорится о смерти святого: Антоний Новый умирает около 864 г. Также в данной части подводятся итог жизни святого: 40 лет он пробыл монахом, 17 лет прожил в городе и 23 года за его пределами.

1.6. Особенности композиции

Анализ композиции жития показывает, что автор использует вставную часть об Иоанне-разбойнике. Данная часть занимает 7 глав и имеет важное значение в произведении. Так, она предопределяет последующие события в жизни святого, поскольку именно Иоанн говорит Антонию Новому, что он сначала будет управлять многими городами Византии, а затем станет отшельником. Предсказание Иоанна-разбойника сбывается, что мы видим в последующих главах: Антоний Новый действительно сначала правит многими городами Византии, становясь наместником Кивиреотской области, а после отрекается от мирской жизни и принимает постриг, ведя отшельнический образ жизни. Также стоит отметить, что Иоанн не только предсказывает такую участь святому, но и способствует ее осуществлению, поскольку он снова появляется в 20-й главе жития, напоминая Антонию о том, что пришло время отречься от мирской жизни и стать монахом.

2. Сравнение жития Антония Нового с житием Льва Катанского

Лев Катанский — святой, епископ города Катании на острове Сицилия, живший в VIII в. и славившийся добротой и милосердием. Существует 2 редакции жития Льва Катанского: первая написана простым общедоступным языком, а вторая — сложным художественным языком с различными речевым украшениями²⁰.

2.1. Сходства жития Антония Нового с житием Льва Катанского

При сравнении данных агиографических текстов можно выделить следующее сходство: оба жития имеют вставную часть. Так, в житии Антония Нового автор использует вставную часть об Иоанне-разбойнике, которая предопределяет последующие события в тексте. Во вставной части жития Льва Катанского автор описывает противостояние святого с колдуном Илиодором, который тайно отверг Господа и стал служителем Дьявола. Живя в Катании, Илиодор совершал множество злодеяний и был дважды осужден на смерть, но скрылся с места казни. Епископ убеждал его прекратить совершать злодеяния и обратиться к Богу, но все

---

²⁰ О житии см. [Каждан 2002]; перевод см. [Лопарев 1914: 492–496].

попытки святого не имели успеха. Однажды Илиодор вошел в храм во время богослужения и устроил там страшное бесчинство, из-за чего был сожжен.

2.2. Различия жития Антония Нового с житием Льва Катанского

Агиографические тексты имеют не только определенные сходства, но и ряд различий.

Первым различием является объем и местоположение вставных частей. Так, история об Иоанне-разбойнике повествуется до основных событий жизни Антония Нового, предсказывая их, а история об Илиодоре вводится в 9 главе жития и доходит почти до конца текста, тем самым занимая большую часть произведения.

Следующим различием является значение героев, вводимых автором во вставные части. Так, в житии Льва Катанского герои противопоставлены друг другу: Лев является служителем Господа, в то время как Илиодор служит дьяволу. Лев славится добротой и милосердием, а Илиодор — злодеяниями. Во вставной части жития Антония Нового Иоанн не противопоставлен главному герою. Более того, Антоний Новый при крещении был наречен именем Иоанн, что, на наш взгляд, укрепляет связь между этими лицами.

Еще одно важное различие состоит в том, что вставные части в агиографических текстах имеют различное значение. В житии Антония Нового вставная часть предопределяет последующие события в жизни святого, поскольку именно Иоанн говорит Антонию Новому, что он сначала будет управлять многими городами Византии, а затем станет отшельником, что исполняется в последующих главах. В житии Льва Катанского вставная часть имеет нравоучительный характер: она вводится для того, чтобы показать, к чему приводит отречение от Христа. Так, Илиодор отрекается от Господа, становясь слугой дьявола, совершает множество различных злодеяний и в финале вставной части сжигается на костре.

3. Общие выводы

Византийская агиография VIII–IX вв. претерпевает расцвет и имеет определенные отличительные особенности. Так, агиографы этого периода используют разнообразные композиционные приемы. Авторы агиографических текстов Антония Нового и Льва Катанского используют вставные части, которые выполняют определенные функции. Вставная часть жития Антония Нового предопределяет последующие события в жизни святого, поскольку именно Иоанн говорит Антонию Новому, что

он сначала будет управлять многими городами Византии, а затем станет отшельником. В житии Льва Катанского вставная часть имеет нравоучительный характер и вводится с целью показать, к чему приводит отречение от Господа.

Литература

- Каждан 2002 — А. П. Каждан. История византийской литературы. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2002.
- Латышев 1907 — В. В. Латышев. Житие и деяния преподобного АН (перевод) // Сборник Палестинской и Сирийской агиологии // Православный Палестинский сборник. 1907. Т. 9/2. Вып. 3. С. 209–243.
- Лопарев 1913 — Хр. М. Лопарев. Византийские жития святых VIII–IX веков // Византийский временник. 1913. Т. 8. Вып. 1–4. С. 109–124.
- Лопарев 1914 — Хр. М. Лопарев. Греческие жития святых VIII–IX веков. Ч. 1. Петроград: тип. Акад. Наук, 1914. С. 492–496.
- Пападопуло-Керамевс 1907 — А. И. Пападопуло-Керамевс. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ Ὁσίου Ἀντόνιου τοῦ Νέου. 1907. Т. 19. Сборник Палестинской и Сирийской агиологии // Православный Палестинский сборник. С. 186–216.

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
КОНСТАНТИНА МАНАССИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНОЙ ХРОНИКИ
И «МОНОДИИ НА СМЕРТЬ ЩЕГЛА»)**

А. Г. Пиксендеева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
ms.piksendeeva@gmail.com

Византийский поэт и писатель, представитель литературы Комниновского возрождения Константин Манасси (ок. 1130 – ок. 1187), о жизни которого мы имеем очень мало сведений (ср. [Hunger 1978]), известен дошедшими до нас многочисленными произведениями разного жанра (монодии, экфрасисы, похвальные речи, утешительные слова, любовный роман в стихах, путевые заметки, стихотворная биография), которые посвящены самым различным темам. Среди трудов писателя особенно выделяется первая в истории греческой литературы стихотворная хроника (Σύνοψις ἱστορικῆ), охватывающая большой промежуток времени — от сотворения мира до 1081 года (конец царствования императора Никифора III Вотаниата). Язык Константина Манасси представляет сочетание разговорного языка Византии и гомеровского языка, отличается стилистической проработкой и образностью, Манасси использует большое количество неологизмов, аллюзии и цитаты из античных произведений и Библии, риторические и стилистические приёмы отличают труды писателя. Следование византийской литературной традиции и отступления от неё, элементы разных жанров в одном произведении, включение в текст слов разговорного стиля и неологизмов делают произведения Константина Манасси чрезвычайно интересными для исследования. Предметом настоящей статьи являются отрывок из стихотворной хроники и «Монодия на смерть щегла». Написанные в разных жанрах и отвечающие разным задачам писателя, они имеют отличия в языке и при этом содержат в себе характерные черты авторского стиля Манасси. Благодаря анализу и сравнению лексики, морфологии и синтаксиса названных выше произведений, попытаемся выявить языковые особенности, которые являются общими для них, и те, что отличают хронику и монодию.

1. Краткие сведения о произведениях

Для начала кратко охарактеризуем монодию и хронику. Стихотворная хроника [Lampsidis 1988] была написана до 1142 г. или между 1142 и 1153 гг. и содержит в разных редакциях около 6600–6700 строк. Размер хроники — пятнадцатисложник, или политический стих, характерный для народной поэзии. Константин Манасси в своём труде следует историографической традиции, существующей в византийской литературе после Иоанна Малалы, то есть последовательно описывает время каждого правителя, кем и где он правил с указанием общего количества лет царствования. Вызывает интерес, что Манасси сосредотачивает своё внимание на истории государства, на светской истории, почти отсутствуют упоминания о святых, борьбе с ересями и церковных соборах. В хронике не описываются современные Константину Манасси события, а император Мануил упомянут лишь один раз. Автор не остаётся равнодушным к предмету своего повествования и даёт поучения многим историческим фигурам и даже действующим на человечество силам, например Судьбе. Известно большое число рукописей хроники — более 100. Для анализа был выбран отрывок, описывающий события от начала правления Юстиниана II и до правления императрицы Ирины.

Монодия на смерть щеглёнка, которая рассматривается в статье, посвящена не конкретному историческому лицу (как другие монодии Манасси), а ручной домашней птичке. Автор горько оплакивает погибшую птицу, винит в её смерти зиму, восхваляет способности щегла — ум, прекрасное пение, умение изображать голоса других птиц, описывает наружность птички и говорит, как она любила своего хозяина [Черноглазов 2021]. Это одна из первых известных нам подобных надгробных речей, посвящённых животным после VII века. Она полностью соответствует всем, существовавшим в византийской литературе правилам жанра, по которым писались монодии. Например, надгробная речь не является лишь плачем, она содержит элементы восхваления близкого существу. Автор монодии оплакивает не только судьбу погибшего, но и свою горькую долю. Обширная часть монодии посвящена экфрасису птицы, что тоже является обязательным условием жанра. Соответствует литературной традиции и время в монодии, то есть его разделение на настоящее, прошлое и будущее, где гибель оплакиваемого является настоящим, его жизнь — прошлым, а утраченные мечты — будущим. При этом произведение Манасси содержит некоторые комические элементы (намеренное преувеличение, контраст между возвышенным

плачем и деталями быта), придающие произведению характер пародии, что также связывает её с надгробными речами на смерть животных, написанными прежде и имеющими пародийный характер. Для исследователя представляет интерес и тот факт, что в монодии явно присутствует образ автора, содержатся сведения о нём, о его роде занятий, писатель упоминает и характеризует и своих друзей.

2. Язык произведений

Приступим непосредственно к сравнению языка и начнём с лексики. И стихотворная хроника, и монодия характеризуются большим числом неологизмов, которые состоят из двух корней. Особенно много таких неологизмов среди эпитетов. Многие из этих эпитетов образованы по одной модели с уже существующими в языке словами. Например, καλλίχροος ‘прекрасного цвета’ (слово встречается и в памятниках античности), καλλι-πλόκαμος ‘с красивыми косами’ (у Гомера) — καλλίστομος ‘с красивым голосом’ (неологизм Манасси в монодии). Мы видим в данных примерах, что καλλι- — первая часть сложных слов со значением «красивый», и такая модель словообразования очень часто используется писателем.

Однако многие сложные эпитеты образуются по модели, соответствие которой не так просто найти в других известных нам произведениях. Например, ρινολώβητος ‘тот, кому отрезали нос’ (в хронике о Юстиниане II). Слово образовано от отглагольного прилагательного λωβητός ‘поруганный, опозоренный’ — от глагола λωβῶ-μαι ‘уродовать, увечить’. Необычность такого определения можно объяснить экстраординарностью ситуации. Интересен эпитет в монодии μελίχροφωνος, состоящий из трёх корней, который можно перевести как ‘медовоголосый’. При этом первая основа, от которой образован эпитет, μελίχροος имеет значение ‘цвета мёда’. Стоит отметить, что в хронике, из-за её размера и масштаба, описываемых событий, эпитеты встречаются более разнообразные. В монодии такие эпитеты являются частью экфрасиса щеглénка.

Интересная особенность языка Манасси состоит также в том, что часто в хронике эпитеты относятся к одному существительному, имея при этом синонимичное значение: ὁδοῖς δυσβάτοις δυσεξόδοις ‘трудноодолимыми, труднопроходимыми дорогами’. Так же и в монодии уже упомянутые эпитеты μελίχροφωνος ‘медовоголосый’ и καλλί-στομος ‘с красивым голосом’, которые описывают щеглénка, соседствуют в предложении. В хронике также встречаются плеонастические словосочетания, опять же с синонимическим повтором, где в качестве прилагательного

выступает неологизм с тем же корнем, что и у существительного: φρουρῆ πικροφρούρω ‘стражей, строго охраняющей’, μυριοστόλω στόλω ‘бессчисленным флотом’. Любопытны случаи в хронике, когда одно образованное автором прилагательное имеет разные значения, в зависимости от определяемого слова: γοργόπλουν πλοίο ‘корабль, плывущий быстро’ — γοργόπλοος τύχη ‘благоклонная судьба’. При этом первая часть неологизма, прилагательное γοργός, имеет значение ‘ретивый, буйный’.

Неологизмы в обоих произведениях есть и среди слов других частей речи. Например, среди существительных — μουσικεῦμα ‘мелодия’ в монодии, и среди глаголов — χερσοπορέω ‘передвигаться по суше’, ἀστερολεσχέω ‘болтать о звёздах’. Стоит заметить, что глаголы и отглагольные существительные (ἡ ναυστόλησις ‘морское плавание’), образованные Манасси, встречаются чаще в отрывке хроники, насыщенной событиями, чем в монодии. Глаголы-неологизмы в хронике часто образованы приставочным способом по модели слов из античных сочинений — καταμελίζω ‘рассекать на части’, где приставка κατα- имеет значение усиления или же завершённости (ср., у Геродота и Гомера — κατακαίω ‘сжигать дотла’). Такие глаголы не всегда легко поддаются переводу, так как μελίζω, например, уже означает «рассекать на части».

В области лексики также стоит отметить частое использование автором эфемизмов, когда речь идёт о смерти, хроника изобилует подобными выражениями (κατμόω τὸ βλέφαρον, τὸ καλλιβλέφαρον ὄμμα μύω ‘закрыть глаза’ т. е. умереть).

В области морфологии особенностью является использование в хронике аориста в значении имперфекта. Это свидетельствует о том, что границы совершенного и несовершенного вида в системе времён достаточно размыты. Соответствует нашим ожиданиям использование *praesens historicum* в хронографии. В монодии же мы видим употребление перфекта, где могла бы быть форма аориста, что можно объяснить тем, что печаль из-за события, которое случилось, продолжает терзать лирического героя.

Синтаксис обоих произведений в основном не является сложным, часто используется *participium coniunctum*, есть случаи, когда употребляется *optativus obliquus*. Также можно отметить употребление аккузатива внутреннего объекта (βουλεύεται βουλήν), который часто встречается и в произведениях античности.

Особого внимания заслуживают цитаты в хронике и в монодии. Посмотрим на библейскую цитату из Книги Екклесиаста, включённую Манасси в текст монодии:

ὁ δὲ τῆς γλώττης τὸ ρεῦμα ἐπέιχε καὶ ἡσυχίαν ἤγε καὶ ἀνέκοπτε τὴν φωνήν·
εἶπέ τις ἄν, ὡς ἡπίστατο· καιρὸς τοῦ σιγᾶν καὶ καιρὸς τοῦ λαλεῖν.

‘он удержал поток своего языка, замолчал и оборвал свой голос. Можно было бы сказать, что он знал: есть время молчать и время говорить.’
[Norma 1901/1902]

καιρὸς τοῦ σιγᾶν καὶ καιρὸς τοῦ λαλεῖν — библейская цитата (Еккл 3: 7), которую использовал Манасси, чтобы показать, что щегол не только талантлив и красиво поёт, но обладает также божественной мудростью, птица единоплеменна с лирическим героем.

Вызывает интерес у исследователя следующий отрывок в хронике, понимание которого без знания античного источника могло бы вызвать трудности.

οἱ βλέψαντες τὴν λεοντήν, τὴν ἐκ τῶν στρατευμάτων
ἰσχύν, μὴ φθάνουσαν εἰς πᾶν τὸ σῶμα τοῦ πολέμου,
ἀλωπεκὴν προσέρραψαν τὴν ἐκ δολιευμάτων,
καὶ τὸν λαὸν τὸν σὺν αὐτῷ θηλύναντες ἐλπίσι
ζωροῦσι τὸν τρισάθλιον.

‘они, увидев львиную шкуру, армии силу,
чтобы она не подросла к сражению,
лисью шкуру пришили от хитрости,
и войско его (Юстиниана), крайне несчастное,
смягчили надеждами, дарующими жизнь’ [Lampsides 1996]

Для верной интерпретации необходимо обратить внимание на слова τὴν λεοντήν ‘львиную шкуру’ и τὴν ἀλωπεκὴν ‘лисью шкуру’. Здесь мы видим в тексте хроники аллюзию на слова спартанского военачальника Лисандра из сочинения Плутарха. Вот как звучит фраза из труда древнегреческого писателя в русском переводе:

Когда ему (Лисандру) говорили, что потомкам Геракла не подобает добиваться побед при помощи хитрости, он отвечал на эти упреки презрительным смехом. «Где львиная шкура коротка, там надо подшить лисью», — говорил он [Плутарх 1994]

В хронике же говорится о том, что посланные убить Юстиниана заговорщики, видя, что на стороне свергнутого императора большое

войско — львиная шкура, пришили лисью шкуру, то есть пообещали жизнь воинам, если они оставят Юстиниана, что воины и сделали.

3. Заключение

Не вызывает сомнения, что и язык хроники, и язык монодии представляют собой обширное поле для исследования с обилием цитат, любопытными неологизмами, обращениями к античности, риторическими приёмами. Всё это, переплетаясь в ткани произведений, создаёт уникальный авторский стиль византийского писателя XII в. Константина Манасси.

Мы рассмотрели, таким образом, некоторые из особенностей языка Манасси и можно подытожить сделанные наблюдения. Нельзя сказать, что монодия и хроника сильно отличаются с точки зрения морфологии и синтаксиса, основные различия наблюдаются в лексике произведений. И хроника, и монодия характеризуются большим числом неологизмов, созданных по различным словообразовательным моделям, что является характерной чертой для творчества Манасси. Однако в хронике, в силу предмета повествования, эпитеты являются более разнообразными по значению и, в силу большей динамичности, мы чаще увидим в хронике неологизмы-глаголы. Плеонастические словосочетания чаще мы также видим именно в хронике, они делают речь сочинения убедительной, ясной и ритмичной, придают ей силу и пафос, а эвфемизмы наделяют хроникой особой выразительностью. В монодии же больше преобладают слова высокого стиля речи, более изысканные эпитеты. В обоих произведениях встречаются цитаты из античных авторов, что свидетельствует об эрудированности писателя, знании античных трудов и умении вдохнуть в них новую жизнь, наполнить новым смыслом. Различия же можно объяснить, во-первых, тем, что хроника предназначалась более широкому кругу читателей, а монодия должна была показать мастерство автора ценителям и интеллектуалам [Черноглазов 2021], во-вторых, особенностями жанров произведений (стихотворной хроники, первой в истории греческой литературы, и монодии, продолжающей античную традицию), и, наконец, их тематикой.

Литература

- Плутарх 1994 — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Пер. С. П. Маркиша, М. Е. Грабарь-Пассек, С. И. Соболевского. М.: Наука, 1994.
- Черноглазов 2021 — Д. А. Черноглазов. Плачьте, музы, о златоречивом!»: замечания о «Монодии на смерть щегла» Константина Манасси //

- Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021. Т. XXV. Ч. 2. С. 1178–1190.
- Horna 1901/1902 — K. Horna. Einige unedierte Stücke des Manasses und Italikos // Jahresbericht des K. K. Sophiengymnasiums in Wien. 1901/1902. S. 3–9.
- Hunger 1978 — H. Hunger. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1–2. München: Beck, 1978.
- Lampsides 1906 — O. Lampsides. Constantini Manassis Breviarium Chronicum. Athenis: Academia Atheniensis, 1906.
- Lampsidis 1988 — O. Lampsidis. Zur Biographie von K. Manasses und zu seiner Chronike Synopsis // Byzantion. 1988. Bd. 58. S. 97–111.

СТРУКТУРНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГРЕЧЕСКОЙ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ФАНФИКШН)

А. Е. Снопова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Москва

cheshirecipher@mail.ru

Фанфик (также фэнфик; от англ. *fan* ‘поклонник’ и *fiction* ‘художественная литература’) — разновидность фанатского творчества, основанная на популярных произведениях искусства (в широком смысле слова — фанарт на базе литературы, кино, анимации, музыки) и использующая идеи сюжета и (или) персонажей оригинальной работы.

М. А. Коробко [2015: 220] пишет, что исследователи в современной науке по-разному подходят к вопросу фанфикшена: кто-то рассматривает как наивную литературу, кто-то «как особый вид словесности — сетературу, третьи изучают как явление постфольклора со всеми присущими ему качествами фольклорного текста».

А. И. Денисова [2012: 141] также дает удачное определение сетературы: она пишет, что фанфик может быть как продолжением или предысторией, так и пародией, «альтернативной вселенной» и т. д.

В современном мире фанфикшн выходит за пределы сетературы, и некоторые авторы издают свои произведения: К. Клэр [2007] «Орудие смерти. Город костей», И. Мытько и А. Жвалецкий [2002] «Порри Гаттер и Каменный философ» и другие. Нельзя также не упомянуть об известном во всем мире романе Э. Л. Джеймс [2012] «Пятьдесят оттенков серого», который был не только издан, но и по которому сняли несколько фильмов; при этом при этом изначально это произведение было фанфиком, основанным на «Сумерках».

Центральным объектом данного исследования является новогреческая сетевая литература, а предметом — структура, а также языковые и художественные особенности греческого фанфикшена. Фанфики на этом языке не пользуются большой популярностью, а некоторые авторы намеренно пишут на английском, тем самым расширяя круг потенциальных читателей. Соотношение фанфикшена по фендомам (Фэндом, фандом (англ. *fandom*, букв. ‘фанатство’) — неформальное (как правило) субкультурное сообщество, участники которого объединены единым интересом, связанным с произведениями искусства — пристрастием к

определённому жанру, фильму, книге, сериалу и т. д. [Фэндом 2012]) следующее: греческих фанфиков в основном не больше десятка в то время, как на русскоязычных и англоязычных сегментах их может оказаться около тысячи. Так, например, на сайте АОЗ (Archive of Our Own) фанфиков на греческом сейчас (на момент апреля 2022 г.) 166, на русском — 164644, а на английском — 8070103.

Актуальность работы определяется тем, что эта тема не была ранее исследована по корпусам греческих текстов, а следовательно, может быть полезна как для изучения сленговых особенностей греческого языка и сравнительной социолингвистики, так и для современной греческой литературы. Помимо этого, несмотря на небольшой объем греческого фанфикшена по сравнению с русским или английским, данное исследование может быть интересно и для отечественной науки. Сетература сейчас активно изучается как в России, так и за рубежом (особенно в англоговорящих странах), однако исследований по греческому фанфикшену найти не удалось. Благодаря данной работе появится возможность сравнить язык современной молодежи разных стран, выделить различия и сходство в построении текста и его художественных особенностях.

В начале следует отметить частое употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов. В англоязычном и в русскоязычном сегментах встречается использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, однако это происходит чаще всего в обращении к любимому человеку либо ситуативно, чего нельзя сказать про греческое сообщество; фикрайтеры преобразуют даже те слова, которые, казалось бы, не требуют изменений:

«Το **νεράκι** μαζί με το **παγωτάκι** θα το πάρεις αφού ρίξεις το **βελάκι** στο **δεντράκι**, συνεννοηθήκαμε **φιλάράκι**;» «**Μπαμπάκα** κάντο εσύ.», επανέλαβε το αγόρι απελπισμένα. «Να εγώ θα κάθωμαι εδώ και θα σε βλέπω».

‘— **Водичку** вместе с **мороженой** ты получишь после того, как выстрелить **стрелочкой** (стрелой из арбалета) в **деревце**, договорились, **дружок**? — **Папочка**, давай ты, — повторил мальчик отчаянно, — а я тут посижу и посмотрю на тебя’ [FiDeltaEscritoire 2019]

Στη θέση του τώρα κάθονταν δυο δίδυμα **κοριτσάκια** με ίδια ροζ καλοκαιρινό **φουστάκια** και έτρωγαν **παγωτό**.

‘На этом месте сейчас сидели две **близняшки** в летних розовых **юбчонках** и ели мороженое’ [FiDeltaEscritoire 2016]

Данное явление в словообразовании может быть обусловлено особенностями новогреческого языка в целом, поскольку для его современного бытования характерно частотное использование уменьшительно-ласкательных форм, особенно в разговорной речи, которую призваны имитировать тексты фанфиков. Поскольку данное явление в русской и английской речи, с которой мы проводим сопоставление, встречается гораздо реже, мы позволили себе выделить эту особенность в качестве характерного признака новогреческого фанфика.

Характерная жанровая особенность фанфиков — отхождение от канона. Автор оставляет за собой право менять отношение героев друг к другу, их положение в обществе, временные рамки повествования и так далее. Все подобные детали прописываются в шапке работы вместе с кратким описанием, чтобы читатель сразу понимал, с какими изменениями оригинальной истории придется столкнуться при прочтении. Далее приведены наиболее частотные варианты иного видения канона автором.

Описание романтических отношений между персонажами, которые в каноне не являлись парой, не испытывали каких-либо чувств друг к другу или были врагами. Наиболее популярны среди такого творчества фанфики с описанием гомосексуальных отношений, преимущественно мужских, так как такие работы в основном пишутся девушками для девушек; среди фикрайтеров для обозначения этого жанра используется слово «слэш» (таким образом, «гет» — гетеросексуальные отношения, «фемслэш» — женские гомосексуальные отношения). В оригинальном произведении такие персонажи практически всегда гетеросексуальны, а многие из них состоят в отношениях с девушкой или женаты; в фанфикшине мы видим фендом глазами автора, поэтому межличностные отношения героев и их характеры могут быть переписаны до неузнаваемости.

В греческом так же, как и в англоязычном и русскоязычном, сообществе фанатов сериала «Сверхъестественное» наиболее популярным пейрингом (от англ. *pairing*; в фанфиках — ‘пара’, ‘персонажи, находящиеся в отношениях’) является «Destiel» (‘Дестиэль’). Такое название произошло от двух имен главных героев Дин и Кастиель; фанаты часто дают пейрингам короткие, звучные названия для удобства, однако в шапке фанфиков авторы обязаны указывать полные имена героев пейринга через слэш либо через запятую. Автор Evafilippa12 в фанфике «How to start a war» ‘Как начать войну’ уже в 1 главе указывает на бисексуальность Дина, тем самым отходя от канона, в котором герой не только

гетеросексуален, но и считается известным дамским угодником, который не заводит долгих отношений:

Ποτέ δεν έκρυψα την έλξη που μου ασκούσαν οι άνδρες. Ποτέ, εκτός από τον στρατό. Εκεί ήταν ανεπίτρεπτο. Ο μόνος που γνώριζε για τη σεξουαλικότητα μου ήταν ο φίλος μου και πρώην εραστής μου, Μπένι. Ήταν ο πρώτος που με βοήθησε καθ'ολη τη διάρκεια της παραμονής μου στο στρατόπεδο. Ήταν ο πρώτος άντρας που με βοήθησε να ανακαλύψω τον εαυτό μου. Ήλιζα ο Σάμμι να καταλάβαινε. Να του φαινόταν εντάξει που μου άρεσαν και τα δύο φύλα. Ήταν μυαλωμένο παιδί. Ήλιζα να με δεχόταν, όπως είμαι.

‘Я никогда не скрывал того влечения, которое на меня оказывали мужчины. Никогда, кроме армии. Там это было непозволительно. Единственный, кто знал о моей ориентации, — мой друг и бывший любовник, Бенни. Он был первым, кто помог мне во время моего пребывания в военном лагере. Он был первым человеком, который помог мне раскрыть себя. Я надеялся, что Сэмми сможет понять. Что для него будет нормально, что мне нравятся оба пола. Он был умным парнем. Я надеялся, что он примет меня таким, какой я есть’ [Evafilippa12 2018]

В фандоме «Гарри Поттера» наиболее популярная пара в жанре слэш — «Drarry» («Драрри») — от имен Драко и Гарри — несмотря на то, что в каноничном произведении оба героя не только гетеросексуальны, но и выступают как враги на протяжении всей франшизы. Tachycardias, автор фанфика «Μην φύγεις» ‘Не уходи’, отчасти сохраняет каноничность взаимоотношений Драко и Гарри, упоминая ненависть Малфоя к Поттеру на протяжении долгих лет:

Δεν φαινόταν καθόλου σαν τον Μαλφόι, η ήττα και η εξαθλίωση είχαν αντικαταστήσει την υπερηφάνεια και την αλαζονεία. Το διάσημο βλέμμα που κάποτε ήταν παγωμένο και περιφρονητικό ήταν σταθερό, πάνω στον Χάρι, αυτή την φορά όμως έλειπε κάθε ίχνος του μίσους που κρατούσε κάποτε.

‘Он совсем не был похож на Малфоя: поражение и страдание заменили гордость и высокомерие. Знаменитый взгляд, который когда-то был ледяным и презрительным, был обращен на Гарри, но на этот раз в нем не было и следа той ненависти, которую он когда-то испытывал’ [Tachycardias 2018].

Такой интерес девочек к мужской любви можно объяснить, во-первых, желанием прикоснуться к чему-то запретному, почувствовать себя «не такой, как все», ведь ЛГБТ+ отношения во многих странах остаются под запретом в наши дни. Во-вторых, так девушки проявляют свой

интерес к мужскому полу, что объясняет большое количество фанфиков жанра слэш и гет, а не фемслэш, который является самым непопулярным жанром и по нынешний день.

Внедрение в фендом авторских персонажей (чаще всего на главную роль), их называют ОС (от англ. *Original Character* ‘Оригинальный Персонаж’). Многие фикрайтеры хотели бы оказаться во вселенной своего фендома и познакомиться лично со всеми героями, вступить с кем-то в отношения, и наиболее легкий для этого способ — сделать себя (своего персонажа) частью истории. В таких фанфиках в большинстве глав мы следим за историей глазами ОСа, а не основных героев канона.

Автор Poliiix в своем фанфике главной героиней делает своего персонажа, которую зовут Тереза. Действие происходит полностью во вселенной «Гарри Поттера», однако читатели в этой истории наблюдают не за приключениями известной троицы, а за жизнью Терезы на факультете Слизерина. При этом в фанфике мы видим знакомых нам из книг персонажей таких, как Дамблдор (директор школы), Малфой (студент Слизерина), который в этой истории становится молодым человеком главной героини, и других:

Μόλις φτάσαμε στο κάστρο ήμουν παρα πολυ χαρούμενη. Πήγαμε στην траπεζαρία όπου ο καθηγητής Dumbledore φώναξε εμένα και τον αδερφό μου να πάμε εκεί για να μας βάλει το καπέλο της ετιλογής.

‘Как только мы прибыли в замок, я очень сильно обрадовалась. Мы пошли в столовую, где профессор Дамблдор позвал меня и брата мне идти туда, чтобы надеть на нас распределяющую шляпу’ [Poliiix 2020]

Феномен ОСов в фанфикшине встречается довольно часто, потому что каждый мечтал хоть раз познакомиться лично со своими любимым героями книг или сериалов; некоторые фикрайтеры просто не хотят расставаться с полюбившейся вселенной и стараются таким образом продолжить историю, поменять ее под себя и свои предпочтения. Другим (также преимущественно девушкам) интересно читать подобные фанфики, потому что легко ассоциировать себя с главной героиней, которая попадает в фендомный мир из вне.

Смена основного жанра оригинального произведения путем использования альтернативных вселенных. Авторы примеряют на героев разные, непривычные им роли, желая показать свое видение, как выглядели бы персонажи в той или иной ситуации.

Автор Evafilippa12 в своей работе «How to start a war» ‘Как начать войну’ полностью изменила жанр, предполагаемый сериалом «Сверхъестественное», с фэнтези на повседневность. В этой работе Дин — военный, Сэм работает в архитектурном бюро, хотя в оригинальной истории они оба были охотниками за нечистью; то же самое касается и Кастизэля, который по канону должен быть ангелом и который в фанфике является преподавателем в университете.

С помощью этого приема автор раскрывает персонажей с наиболее близкой каждому, бытовой, стороны; им приходится решать обычные проблемы, а не спасать мир, и это невольно импонирует читателям.

В структуре греческого фанфикшена, как и во многих других языковых сегментах, присутствуют так называемые «сырые» работы, которые написаны начинающими авторами на малограмотном языке. Характерная черта таких работ — орфографические ошибки, которые затрудняют прочтение, а иногда полностью меняют смысл текста: «τρέλενομα» вместо «τρέλαίνομα» ‘сходить с ума’, «δενατες» — «δυνατές» ‘сильные’. В таких фанфиках практически отсутствует описание, детальное раскрытие персонажей (как их внешности, так и характера), из-за чего у предложений зачастую отсутствует хотя бы одна придаточная часть; а сюжет прослеживается только благодаря многочисленным диалогам.

Благодаря данному исследованию был изучен современный феномен сетературы в греческом языковом сообществе. И хотя история фанфикшена еще очень молода, так как она берет свое начало в конце XX в., фанатские сообщества с появлением интернета стали активно развиваться, в результате чего количество фанартов резко выросло и безостановочно продолжает расти каждый день, так как интерес молодежи к фендомам не угасает, а желание привнести что-то свое становится только больше.

Во-первых, благодаря данному исследованию, можно сделать вывод, что сетература остается производным литературным произведением с отсутствием четких правил (грамотность авторов не отслеживается строго).

Во-вторых, были изучены некоторые, наиболее популярные художественные особенности фанфикшена, в связи с чем можно сказать, что наиболее популярный жанр — это романтика с направленностью слэш либо гет. Данный феномен объясняется тем, что и фикрайтеры, и читатели в большинстве своем являются девушками от 13 до 20 лет, которые хотят почувствовать себя частью любимого выдуманного мира, а также проявляют свою заинтересованность к мужскому полу и к запретной связи (слэш, фемслэш).

В-третьих, была выявлена тенденция к частому употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксов, что напрямую связано с неформальным, разговорным стилем общения греков (среди всех возрастов).

Литература

- Денисова 2012 — А. И. Денисова. Фанфикшн как субкультура и феномен массовой литературы // Аналитика культурологии. 2012. № 24. С. 141–143.
- Клэр 2007 — К. Клэр. Орудия смерти. Город костей. 2007. URL: <https://ast.ru/cycle/tsikl-orudiya-smerti/> (дата обращения: 13.03.2022).
- Коробко 2015 — М. А. Коробко. Признак коллективности в фанфикшн и письменных формах современного фольклора // Вестник Брянского государственного университета. История. Право. Литературоведение. Языкознание. 2015. № 1. С. 220–223.
- Мытько, Жвалевский 2002 — И. Е. Мытько, А. В. Жвалевский. Порри Гаттер и каменный философ. 2002. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Порри_Гаттер (дата обращения: 13.03.2022).
- Джеймс 2012 — Э. Л. Джеймс. Пятьдесят оттенков серого. М.: Эксмо, 2012.
- Фэндом 2012 — Фэндом. 2012. URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki/Фэндом> (дата обращения: 13.03.2022).
- Evafilippa12 2018 — Evafilippa12. How to start a war. 2018. URL: <https://archiveofourown.org/works/16170257/chapters/37813154#workskin> (дата обращения: 13.03.2022).
- FiDeltaEscrtoire 2016 — FiDeltaEscrtoire. Ότι συνέβη στο Φλάγκσταφ, έμεινε στο Φλάγκσταφю 2016. URL: <https://www.fanfiction.net/s/12239395/1/1-Ο-τι-συνέβη-στο-Φλάγκσταφ-έμεινε-στο-Φλάγκσταφ> (дата обращения: 01.05.2021)
- FiDeltaEscrtoire 2019 — FiDeltaEscrtoire. Ό τι συνέβη στο Δάσος Ντάνιελ Μπου, έμεινε στο Δάσος Ντάνιελ Μπου. 2019. URL: <https://www.fanfiction.net/s/13423396/1/3-Ο-τι-συνέβη-στο-Δάσος-Ντάνιελ-Μπου-έμεινε-στο-Δάσος-Ντάνιελ-Μπου> (дата обращения: 01.05.2021).
- Poliiix 2020 — Poliiix. falling for you. 2020. URL: <https://www.wattpad.com/996425558-falling-for-you--υπό-διόρθωση-part-1> (дата обращения: 01.05.2021; работа удалена).
- Tachycardias 2018 — Tachycardias. Μην φύγεις. 2018. URL: <https://archive-ofourown.org/works/15921102> (дата обращения: 01.05.2021).

КОНКУРЕНЦИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В НОВОГРЕЧЕСКОМ ИМПЕРАТИВЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

М. С. Соловьева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Москва

m.s.soloviova@gmail.com

1. Введение

Глагольная система в новогреческом языке различает словоформы совершенного и несовершенного вида (далее СВ и НСВ соответственно). Словоформы совершенного вида образуются от основы аориста, а несовершенного вида — от основы презенса. Хотя морфологически новогреческий вид устроен иначе, чем вид в славянских языках, функционально они очень похожи, поэтому имеет смысл рассматривать их в сравнении. Основной целью данного исследования был вид в императиве единственного числа для глаголов первого спряжения.

Согласно [Бенаккьо 2010; Падучева 2010] на выбор вида влияют не только чисто грамматические, но и прагматические факторы, в том числе категория вежливости; они и были в центре моего внимания.

2. Распределение видов в русском языке

Поскольку для русского языка доступно больше всего информации про вид в императиве, есть смысл остановиться на нём подробнее. Из исследований русского языка [Падучева 2010; Храковский 1998] взята основная информация про значения вида в императиве.

Функции СВ в императиве не отличаются от его функций в индикативе [Падучева 2010]. Так, он выражает фокус на конечной фазе действия, на результате или на действии в целом, в то время как НСВ выражает фокус на начальной или срединной фазе действия. Судя по всему, он является дефолтной формой императива.

Функции НСВ менее очевидны и значительно отличаются от его функций в индикативе.

Обобщая информацию из [Бенаккьо 2010; Падучева 2010; Храковский 1998], можно составить следующую классификацию значений НСВ в императиве:

1. Многократное или узуальное действие.
2. Фокус на начальной фазе действия.

3. Фокус на срединной фазе действия:
  - а. Указание на способ действия,
  - б. Продолжение действия.
4. Действие известно исполнителю:
  - а. Действие известно из контекста,
  - б. Повторная просьба.
5. Сокращение дистанции между говорящим и слушающим:
  - а. Положительная, солидарная вежливость (если действие выгодно исполнителю),
  - б. Грубость (иначе).

Далее кратко описаны и проиллюстрированы примерами перечисленные выше значения НСВ.

2.1. Многократное или узואльное действие

Это значение выражается исключительно НСВ императива, СВ здесь неграмматичен:

- (1) *Каждый день открывайте это окно.* [Бенакьо 2010]

На выбор НСВ здесь влияют, похоже, чисто аспектуальные значения.

2.2. Фокус на начальной фазе действия

Если присутствует фокус на начальной фазе действия, употребляется НСВ. Падучева [Падучева 2010] выделяет здесь значения «немедленно» и «приступ к действию», однако я не стала различать эти случаи.

- (2) *Беги-ка разыщи его!* (НСВ) — *Чего ради я побегу?* (СВ) [Падучева 2010]

В данном примере императив НСВ заменяется на императив начательного глагола как на синонимичный. Подразумевается, что действие начнётся непосредственно после императива. Это заметно также на следующем примере:

- (3) *Я заболел. Звони брату!* (НСВ) // *Позвони брату!* (СВ) *Лучше всего завтра.*

Для императива НСВ интерпретация, что действие нужно выполнить через какое-то время после разговора, невозможна:

- (4) **Звони брату завтра!*

Такой пример можно проинтерпретировать только как многократное действие, о котором сказано выше.

2.3. Фокус на срединной фазе действия

У этого значения можно выделить два подзначения.

2.3.1. Указание на способ действия

НСВ употребляется в том случае, когда говорящий указывает, как именно должно выполняться действие:

- (5) *Открывайте дверь медленно, ведь она скрипит, и дети могут проснуться!* [Бенаккьо 2010]

СВ здесь также возможен, но предпочтительнее НСВ.

2.3.2. Продолжение действия

Это специфический контекст, когда говорящий просит слушающего продолжить или не прерывать действие:

- (6) *Курите, курите, вы мне не мешаете* [Бенаккьо 2010]

Здесь, согласно [Бенаккьо 2010], конкуренции видов как таковой нет — возможен только НСВ, см. также пример (7):

- (7) *Что вы делаете? Пишете письмо? Пишите, пишите, я подожду, пока не напишете.*

2.4. Действие известно исполнителю

Е. В. Падучева [2010] отмечает, что НСВ используется в том случае, если действие, называемое императивом, уже известно исполнителю. У этого значения также можно выделить два подвида.

2.4.1. Действие известно из контекста

- (8) *Пейте чай!* (НСВ) [*когда чай стоит на столе*] [Падучева 2010]

Аналогичная фраза едва ли может быть употреблена, если действие не следует из контекста:

- (9) *?Пейте чай!* (НСВ) [*когда чай ещё не заварен*]

2.4.2. Повторная просьба

Когда действие известно исполнителю из сказанного ранее, также употребляется НСВ.

Во-первых, сюда относятся случаи, когда действие заранее оговорено, и императив лишь даёт сигнал его начать:

- (10a) *Возьми ребёнка!* (СВ) [Падучева 2010]

- (10b) *Ну бери же у меня ребёнка! (НСВ) [как мы договорились]* [Падучева 2010]

Во-вторых, в эту категорию попадают повторные императивы, когда слушающий по какой-то причине не выполняет действие:

- (11) *Запишите мой адрес, пожалуйста... (СВ) Записывайте, я тороплюсь!* (НСВ) [Бенаккьо 2010]

2.5 Сокращение дистанции между говорящим и слушающим

Согласно [Бенаккьо 2010], НСВ выражает меньшую дистанцию между говорящим и слушающим, чем СВ.

2.5.1. Положительная, солидарная вежливость

Если действие, выражаемое формой императива, в интересах исполнителя, то НСВ выражает положительную, или солидарную вежливость. Так, в примере 12 СВ, по [Бенаккьо 2010], звучит более формально и отстранённо, чем НСВ:

- (12a) *Дайте мне чемодан, он тяжёлый!* (СВ)
(12b) *Давайте мне чемодан, он тяжёлый!* (НСВ)

Также значение позитивной вежливости возникает в пермиссивах (разрешениях, выраженных императивом):

- (13a) *Можно открыть окно? — Открывайте (конечно)* [Падучева 2010]
(13b) *Можно открыть окно? — Откройте (?конечно)* [Падучева 2010]

Е. В; Падучева [2010: 78] утверждает, что СВ в данном контексте «это, скорее, не разрешение в чистом виде, а присоединение говорящего к желанию собеседника», а СВ — «тоже не совсем разрешение, а, скорее, своего рода непротивление».

2.5.2. Грубость

Если действие не является желательным для исполнителя, возникает эффект фамильярности и грубости. [Бенаккьо 2010] сравнивает обращение полицейского в СВ и в НСВ:

- (14a) *Покажите документы!* (СВ) [Бенаккьо 2010]
(14b) *Показывайте документы!* (НСВ) [Бенаккьо 2010]

Второй пример звучит более нетерпеливо и даже грубо. Этот эффект подтверждается и тем, что императив НСВ, то есть менее формальный и в данном случае грубый, не сочетается с формальной лексикой:

(15) *?Предъявляйте документы!* (НСВ) [Бенаккьо 2010]

Важно, что грубость возникает даже тогда, когда действие не приносит исполнителю никаких затрат:

(16) [В магазине] *Взвешивайте (*пожалуйста)!* (НСВ) [Бенаккьо 2010]

Суммируя, можно сказать, что одно из значений НСВ в императиве — это сокращение дистанции между говорящим и слушающим, и это сокращение проявляется как солидарная вежливость, если действие выгодно исполнителю, и как грубость в любых других случаях.

3. Распределение видов в новогреческом языке при обращении на «Вы»

В данном разделе я кратко изложу сведения для императива, обращённого к одному человеку на «Вы», из [Бенаккьо 2010]. Эта книга послужила базой для моей работы, так как моей целью был новогреческий императив при обращении на «ты», о чём будет сказано ниже.

В большинстве славянских языков (кроме восточно-славянской группы) и в новогреческом НСВ при обращении на «Вы» может употребляться в намного меньшем числе контекстов, чем в русском. Для новогреческого [Бенаккьо 2010] отмечает только значения:

1. многократное или узуальное действие;
2. продолжение действия;
3. грубость.

В первом случае СВ неграмматичен по аспектуальным причинам:

(17)	Γράφ-ετε (НСВ)	(*Γράψ-ετε (СВ))	μας
	писать.1PFV-IMP.2PL	(*писать.1PFV-IMP.2PL)	мы.GEN
	κάθε	μέρ-α	
	каждый	день-ACC.SG	
	ένα	γράμμα-α!	
	ART.INDF.NEUT.ACC.SG	письмо-ACC.SG	

‘Пишите (НСВ, *СВ) нам каждый день по письму!’ [Бенаккьо 2010]

Про контекст «продолжение действия» [Бенаккьо 2010] говорит, что это случаи *imperfectiva tantum*, где конкуренции видов как таковой также нет:

- (18) Καπνίζετε, καπνίζετε!
 курить.IPFV-IMP.2PL курить.IPFV-IMP.2PL
 Δεν με ενοχλείτε.
 NEG я.ACC мешать.IPFV-PRS.2PL
 ‘Курите, курите! Вы мне не мешаете’ [Бенаккьо 2010]

В остальных контекстах НСВ звучит грубо или даже недопустим. Так, у [Бенаккьо 2010] он появляется, помимо аспектуальных значений (примеры 17, 18), только в следующем примере:

- (19) Φύγετε!
 убираться.IPFV-IMP.2PL
 ‘Убирайтесь!’ [Бенаккьо 2010]

Таким образом, по [Бенаккьо 2010], в новогреческом языке в императиве при обращении на «Вы» практически всегда употребляется СВ, за исключением двух контекстов, где НСВ обусловлен аспектуальными значениями (многократность и продолжение действия). В других случаях НСВ звучит грубо или совсем не употребляется.

4. Анкеты

Моей задачей было выяснить, как распределён вид в новогреческом императиве при обращении к одному человеку на «ты». Поскольку СВ, судя по всему, является для новогреческого императива дефолтным, я пыталась очертить точные границы употребления НСВ. Для этого в анкете созданы контексты, провоцирующие появление НСВ. При этом я брала только значения, связанные с прагматикой и категорией вежливости; аспектуальные значения не были в фокусе моего внимания. В табл. 1–4 представлены контексты и факторы, влияющие на появление НСВ.

Табл. 1. Фокус на начальной фазе действия

Контекст	Перевод
They're coming, hide!	Они идут, прячься!
They'll notice us, put it out!	Они нас заметят, гаси его!

**Табл. 2. Фокус на срединной фазе действия:
указание на способ действия**

Контекст	Перевод
<p>In a meadow the witch saw many colourful flowers. She asked her sister for a knife to cut them.</p> <p>“Here you are,” said her sister and gave her the knife, “but cut them carefully, don't hurt yourself”.</p>	<p>На лужайке ведьма увидела множество ярких цветов. Она попросила у сестры нож, чтобы срезать их.</p> <p>«Держи», — сказала её сестра и дала ей нож, — «Но срезай их осторожно, не поранься».</p>
<p>The witch took the smallest cup with the free hand, drank, and started coughing.</p> <p>“Drink slowly, honey, don't be in a hurry”.</p>	<p>Ведьмочка взяла самую маленькую чашку свободной рукой, отпила и закашлялась.</p> <p>«Пей медленно, дорогая, не торопись».</p>

Табл. 3. Действие уже известно адресату: повторная просьба

Контекст	Перевод
<p>“Light a fire, please,” the elder sister said. But the witch didn't answer. She was staring around, because she could see in the dark like a cat.</p> <p>“I can't see anything, please, light a fire!”</p>	<p>«Зажги свет, пожалуйста» — попросила старшая сестра. Но ведьмочка не ответила. Она оглядывалась вокруг, потому что могла видеть в темноте, как кошка.</p> <p>«Я ничего не вижу, зажги, пожалуйста, свет!»</p>
<p>“Why don't you have your dinner, darling? Eat something”.</p>	<p>«Почему ты не ешь свой ужин, дорогой? Съешь чего-нибудь».</p>

**Табл. 4. Действие известно исполнителю:
обусловлено контекстом**

Контекст	Перевод
<p>The bears lit a candle and sat around the table, each one in front of their dish. “Eat, darling,” said mother bear to her son.</p>	<p>Медведи зажгли свечу и расселись за столом, каждый напротив своей тарелки. «Ешь, дорогой», — сказала мама-медведица своему сыну.</p>
<p>“Do you know a spell that can take us home?” “Oh, yes! I’ve completely forgot about it!” answered the little witch. “Then what are you waiting for? Say it!”</p>	<p>«Ты знаешь какое-нибудь заклинание, которое могло бы отнести нас домой?» «Ой, точно! Я совсем забыла про заклинания!» - ответила ведьмочка. «Тогда чего ты ждёшь? Произноси его!»</p>

4.1. Перевод текста

В первом варианте анкет двум информантам предлагалось перевести текст с английского на новогреческий. Плюсы этого варианта в том, что нет элицитации со стороны исследователя. С другой стороны, результаты могут искажаться влиянием английского текста. Например, в одной из анкет один и тот же персонаж обращается к одному и тому же персонажу пять из восьми раз на «ты», а три из восьми - на «вы». Возможно, это связано с неразличением числа у английского местоимения *you* ‘ты, вы’. Так или иначе, результаты этой анкеты представлены в табл. 5–8.

**Табл. 5. Фокус на срединной фазе:
указание на способ действия**

Контекст	НСВ	СВ	Всего
«Срезай осторожно»	0	2	2
«Пей медленно»	2	0	

Табл. 6. Фокус на начальной фазе действия

Контекст	НСВ	СВ	Всего
«Прячься!»	0	2	2
«Гаси его!»	0	2	

Табл. 7. Действие известно исполнителю: обусловлено контекстом

Контекст	НСВ	СВ	Всего
«Ешь»-1	0	2	2
«Скажи его»	0	2	

Табл. 8. Действие известно исполнителю: повторная просьба

Контекст	НСВ	СВ	Всего
«Зажги свет»	0	2	2
«Ешь»-2	0	2	

4.2. Выбор вида

Во втором варианте анкеты информанты получали текст на новогреческом, где на месте каждой глагольной словоформы были даны через слэш формы НСВ и СВ и предлагалось выбрать подходящий вариант. При таком подходе не было влияния другого языка; с другой стороны, информанты могли понять суть опроса, что повлияло бы на результат. Так или иначе, получившиеся результаты представлены в табл. 9–12.

**Табл. 9. Фокус на срединной фазе:
указание на способ действия**

Контекст	НСВ	НСВ/СВ	СВ	Всего
«Срезай осторожно»	0	3	5	8
«Пей медленно»	3	2	3	

Табл. 10. Фокус на начальной фазе действия

Контекст	НСВ	НСВ/СВ	СВ	Всего
«Прячься!»	0	0	8	8
«Гаси его!»	0	0	8	

Табл. 11. Действие известно исполнителю:
обусловлено контекстом²¹

Контекст	НСВ	НСВ/СВ	СВ	Всего
«Ешь»-1	3	4	1	8
«Скажи его»	0	1	6*	

Табл. 12. Действие известно исполнителю: повторная просьба

Контекст	НСВ	НСВ/СВ	СВ	Всего
«Зажги свет»	0	0	5*	8
«Ешь»-2	0	1	7	

5. Выводы

При создании анкет и во время предварительного поиска императивов в корпусе [КГЯ] не раз возникали проблемы с тем, что императив ожидаемого вида не появляется, потому что совпадает с формой прошедшего времени. В единственном числе это актуально для всех глаголов, основа которых содержит более одного слога. Императив СВ в единственном числе в этом случае совпадает с аористом третьего лица единственного числа (ἀνοίξε ‘открой!/(он) открыл’), а императив НСВ - с имперфектом (ἀνοίγε ‘открывай!/(он) открывал’). Также для многих глаголов даже с односложной основой в корпусе [КГЯ] встречается форма только одного вида.

Итак, для новогреческого не редка ситуация, когда для определённого глагола в императиве встречается только один вид, даже если по смыслу мог бы быть другой. Соответственно, часто морфологические причины (омонимия с прошедшими временами, неупотребимость той или иной

²¹ В табл. 11 и 12 звёздочкой (*) обозначены примеры, в которых некоторые носители не дали никакого ответа.

формы) играют более важную роль, чем семантические или прагматические.

Что касается семантических случаев выбора вида, можно сказать, что, как и при обращении на «Вы», при обращении на «ты» НСВ употребляется в намного меньшем числе контекстов, чем в русском языке. Колебания в сторону НСВ можно заметить только в контекстах «Пей медленно» и «Ешь»-1, то есть «Фокус на срединной фазе действия: указание на способ действия» и «Действие известно исполнителю: обусловлено контекстом» соответственно. Но, поскольку в других примерах на те же контексты такого появления НСВ не наблюдалось, возможно, следует перепроверить данные контексты в других вариантах и с другими глаголами. Это и есть план моей дальнейшей работы.

Список условных сокращений

* — неграмматичный пример; ? — малоприемлемый пример; 2 — второе лицо; НСВ — несовершенный вид; СВ — совершенный вид; ACC — винительный падеж; ART — артикль; IMP — императив; INDF — неопределённый (артикль); IPFV — несовершенный вид; NEG — отрицание; NEUT — средний род; PFV — совершенный вид; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

- Бенаккьо 2010 — Р. Бенаккьо. Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ. München; Berlin: Sagner, 2010.
- КГЯ — Корпус греческого языка. URL: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения 20.02.2022).
- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Императивные формы НСВ И СВ в русском языке и их употребление// Russian Linguistics. 1998. Vol. XII. No. 3. P. 269–292.

АПОКРИФИЧЕСКИЕ ДЕЯНИЯ АПОСТОЛА ПЕТРА В ГРЕЧЕСКОМ ТЕКСТЕ ХРОНИКИ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА (IX В.)

П. К. Уханова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
polly2100@mail.ru

Хроника Георгия Амартола — византийский хронограф, составленный в IX веке греческим монахом Георгием по прозвищу Амартол — ‘Грешник’. Поэтому сочинение именуется Хроникой Георгия Амартола или Георгия Мниха (далее ХГА). Автор ХГА был современником императора Византии Михаила III (842–867), и в своем труде он излагает события от сотворения мира до начала правления этого монарха. Полное заглавие ХГА — «Краткая хроника, собранная и составленная по различным хронографам и толкователям Георгием Грешником». Впоследствии ХГА была продолжена до 948 г., а в ряде списков и до 1143 г. так называемыми «продолжателями Амартола».

ХГА состоит из краткого введения и четырех книг. Первая из них повествует о языческой истории от Адама до Александра Македонского. Вторая пересказывает библейскую историю от Адама и описывает правление вавилонских и персидских царей до времени Юлия Цезаря. Третья книга описывает смену эллинистических правителей и доходит вплоть до крещения императора Константина. Четвертая, последняя, — летопись истории христианской империи от Константина Великого до правления императора Михаила III и Феодоры.

Нас интересует третья книга ХГА, поскольку именно в ней содержится отрывок, посвященный пребыванию апостола в Риме и его мученической кончине — апокрифические Деяния апостола Петра [Муральт 1861: 268–279].

Апокрифические деяния (далее АД) были призваны дополнить Евангелия и канонические Деяния повествовательными подробностями о миссионерской деятельности апостолов. В частности, пять основных АД (Деяния Петра, Павла, Иоанна, Андрея и Фомы) были популярны в раннехристианской церкви, и содержащиеся в них сведения об апостолах до сих пор принимаются многими христианами. Однако из-за относительно поздних дат составления историческая достоверность этих АД вызывает сомнения. В нашем исследовании рассматривались АД и мартирии,

рассказывающие о проповеднической деятельности и мученической смерти апостола Петра. Петр, первый из двенадцати апостолов, считается первым Папой Римским (в католической церкви). Второе действующее лицо этих АД Симон Волхв, который упоминается в канонических Деяниях (8: 9–24). Это еретик, антагонист Петра, который почти всегда фигурирует в его АД, в том числе во фрагменте из ХГА.

Основным источником дополнительных сведений о деятельности апостола Петра являются апокрифические *Acta Petri*, греческий текст, созданный во II веке, в Риме или Малой Азии. Большая часть текста сохранилась только в латинском переводе «Деяния Петра с Симоном» в рукописи Верчелли (VI в.). На греческом языке дошли только последние главы, составляющие «Мученичество святого апостола Петра». Помимо древнегреческого, латинского и сирийского текстов, существуют версии этих АД на эфиопском, коптском, арабском, старославянском, древнеармянском и древнегрузинском языках, которые не вошли в наше исследование.

Для анализа мы отобрали пять произведений, имеющих общее сходство с фрагментом из ХГА и содержащих в себе упоминания Симона Волхва и рассказ о смерти апостола Петра.

Древнегреческий текст:

- Мученичество Святого Апостола Петра, II в. [Eastman 2015: 6–25].

Латинские тексты:

- Деяния Петра с Симоном, II в. [Bonnet, Lipsius 1891: 45–78];
- Псевдо-Лин. Мученичество благословенного апостола Петра, IV–V в. [Eastman 2015: 32–65];
- Псевдо-Авдий. Страсти святого Петра, VI в. [Eastman 2015: 72–101].

Сирийский текст:

- История Симеона Кифы, предводителя апостолов, VI–VII вв. [Eastman 2015: 108–117].

Прежде чем приступить к анализу, мы выявили конкретные эпизоды в тексте фрагмента, выделяющие из прочих версий АД Петра и его мучеников. По наличию или отсутствию их в тексте мы судили о близости сопоставляемых сюжетов. Эпизоды эти следующие:

- Эпизод с говорящей собакой;
- Короткий визит к Нерону;
- Эпизод с быком;

- Экзегетический спор, имевший место в Сирии;
- Эпизод с учеником Петра Фаустом;
- Второе описание смерти Симона от лица Петра;
- О праздновании субботы;
- О литургических обычаях разных церквей.

Именно эти эпизоды мы искали в текстах приведенных источников. Мы сравнили текст фрагмента ХГА с пятью вышеперечисленными апокрифическими версиями АД. В процессе сопоставления мы обнаружили, что из пяти произведений только одно содержит прямую параллель с одним из ключевых эпизодов фрагмента, прочие же имеют только общие черты сюжетного сходства, которые не представляются нам значимыми.

«Мученичество Святого апостола Петра» не только не включает в себя ни одну из сюжетных особенностей фрагмента ХГА, которые мы искали, но и содержит ряд существенных отличий от него. Во-первых, причина казни апостола. Фрагмент из ХГА рассказывает о том, что Петр был казнен за убийство Симона Волхва, которое весьма огорчило императора Нерона. В «Мученичестве» апостол оказывается жертвой заговора сластолюбивых мужей, чьи жены решили вести целомудренный образ жизни, проникшись его проповедью. Из этого различия следует еще одно, а именно: сцена побега Петра из города и явления ему Иисуса Христа в тексте ХГА отсутствует. Нет в ХГА и сцены пожертвования нечестивой римлянкой крупной суммы денег христианской общине, возглавляемой Петром, а также пространной проповеди, которую апостол произнес во время казни. Причины, по которым Петр просит распять себя головой вниз, тоже отличаются. С другой стороны, в «Мученичестве Святого апостола Петра» нет ни одного уникального эпизода из фрагмента ХГА.

«История Симеона Кифы, предводителя апостолов», самое краткое произведение из включенных в исследование, не имеет сходства с фрагментом ХГА ни в чем, кроме эпизода распятия Петра, точнее, объяснения им своей позы. Еще одна его особенность — образность, присущая древневосточной литературе — например, апостол Петр, прося распять себя вниз головой, объясняет это желанием поцеловать часть креста, которой касались ноги Христа. Присутствует здесь и разговор Петра с Иисусом Христом, более пространный, чем в других описанных нами апокрифах. Примечательным является упоминание о передаче Петром епископства Лину, а не Клименту, как и ошибочная атрибуция текста авторству последнего.

«Страсти святого Петра» Псевдо-Авдия также не дают желаемых результатов. Не имея параллелей ни с одним из уникальных эпизодов фрагмента ХГА, они демонстрируют некоторое сходство в более мелких сюжетных деталях, например, в описании встречи Симона и Петра в Кесарии Стратоновой. Их спор, хоть и имеет тот же итог — Симон бежит из Сирии, — но развивается совершенно по-другому, нежели во фрагменте из ХГА, а из упомянутых там свидетелей в «Страстях» присутствует только Закхей. Еще одна параллель — обоснование Петром своей позы на кресте, — по содержанию ближе к версии фрагмента, чем к «Мученичеству Святого апостола Петра». Интересно, что, хотя Петр упоминает о тайне креста, толкует он ее иначе, чем в «Мученичестве» и намного короче. Текст «Страстей» показывает, что при их создании было использовано много разных источников, об этом свидетельствует совпадение разных фрагментов текста с разными АД. Например, состязание в воскрешении между Синомом и Петром находит параллель в «Деяниях Петра с Синомом», сцена побега Петра из города и его казнь — в греческом «Мученичестве», а часть, описывающая визит Петра к Нерону, отсылает нас к греческим «Деяниям святых апостолов Петра и Павла» (этот текст в работе не рассматривается).

«Мученичество благословенного апостола Петра» Псевдо-Лина показывает примерно такую же степень схождения с фрагментом ХГА, что и «Мученичество», описанное выше, иными словами, весьма малую. В то же время, сходство «Мученичества» Псевдо-Лина с другим, греческим в заключительной части очевидно — содержание проповеди Петра во время распятия весьма схоже, как и описание явления апостола Марцеллу и Нерону. Однако версия Псевдо-Лина содержит любопытное упоминание о том, что после гибели Симона (которая в этом тексте только упоминается, но подробно не описывается) апостол Петр был арестован, а затем отпущен. Присутствуют здесь и совершенно уникальные эпизоды, в частности, диалог Петра с префектом Агриппой, а также явление Петра толпе скорбящих, когда сам он еще не испустил дух.

Только в «Деяниях Петра с Синомом» мы обнаружили параллельный эпизод — эпизод с говорящей собакой. Несмотря на очевидное сходство с этим источником, следует отметить, что «Деяния Петра с Синомом» куда более пространны, чем фрагмент ХГА. Например, ХГА не указывает имени владельца дома, в котором остановился Симон и не содержит ни осуждающего монолога собаки в адрес Симона, ни упоминания о смерти животного у ног апостола Петра. Присутствует в этой сцене и еще

одно любопытное различие: в тексте ХГА Петр пытается войти в дом к Симону, в Acta Petri же апостол вызывает противника наружу. В тексте ХГА не показано, что Симон, узнав о приходе апостола, пытался уклониться от встречи, а в пространной версии текста маг избегал прямого столкновения с Петром, пока его к этому не вынудили. Несмотря на сходство в этом эпизоде, все прочие значимые особенности сюжета, а именно чудеса Петра (разговор с Сионом устами младенца, видение будущего состязания с Сионом и само состязание в воскрешении, исцеление вдов, оживление копченой рыбы, видение Марцелла и т. д.) в тексте ХГА отсутствуют. Это приводит нас к выводу, что если фрагмент ХГА ведет свое происхождение от Acta Petri, то явно не напрямую, судя по тому, какой сильной деформации подвергся единственный сохранившийся в нем общий эпизод.

Результат работы не дает возможности сделать конкретные предположения относительно происхождения интересующих нас эпизодов в тексте фрагмента ХГА, тем более что Acta Petri в большей или меньшей степени являются источником всех сохранившихся до наших дней АД и мартириев апостола Петра на греческом и латинском языках. Тем не менее, надежда на обнаружение источника этих АД в нас окончательно не угасла: возможно, один из уникальных эпизодов фрагмента может пролить свет на этот вопрос. Речь идет о сцене, описывающей богословский спор между апостолом Петром и Сионом Волхвом, который состоялся еще в Сирии, до прибытия обоих в Рим. Нельзя не обратить внимание на специфическую аргументацию Симона, в частности, его утверждение о том, что Адам был создан слепым. В ответ на возражения Петра Симон уточняет, что он подразумевал умственную слепоту:

Τὸ φλὸς ἦν ὁ νοῦς αὐτοῦ

‘Слеп был разум его’ [Муральт 1861: 271],

приводя в пример Писание, якобы избличающее и Адама, и бога, его сотворившего, в отсутствии предвидения. Манера, в которой маг трактует Священное Писание, позволяет нам сделать вывод о том, что в тексте фрагмента присутствует влияние экзегетической традиции, толкующей Книгу Бытия. Аргументы Симона носят явно гностический характер, поэтому существует вероятность, что источником для этого спора послужило какое-то гностическое или антигностическое сочинение, обнаружение которого было бы весьма кстати и обогатило бы фонд источников ХГА. Это открывает перспективы для дальнейшего исследования

и дает основания для продолжения работы над изучением данного фрагмента.

Список условных сокращений

АД — Апокрифические Деяния; ХГА — Хроника Георгия Амартола.

Литература

Муральт 1861 — Э. Г. фон Муральт. Хронограф Георгия Амартола // Ученые записки второго отделения Императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1861.

Eastman 2015 — D. L. Eastman. The ancient martyrdom accounts of Peter and Paul // Writings from the Greco-Roman world. 2015. No. 39. P. 1–187.

Bonnet, Lipsius 1891 — M. Bonnet, R. A. Lipsius. Acta apostolorum apokryphae pars prior. Leipzig: Hermann Mendelssohn, 1891.